

Николай Владленович Басов
Неуязвимых не существует
Серия «Солдат Штефан», книга 1

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131178

Аннотация

От издателя

Если процессы, происходящие ныне в России, рассматривать в качестве основных тенденций развития, то в недалеком по историческим масштабам будущем мы можем получить картину, которую изобразил на страницах своего нового романа московский писатель-фантаст Н.Басов, автор известного цикла о Лотаре и романа «Мир вечного полдня».

Начало XXIII века... Россия распалась на множество государств и полисов, власть в которых принадлежит полукриминальным, а то и явно преступным структурам. Спецагента Валера – последнего из солдат клана таинственных воинов, обладающего невероятными возможностями, – Охранка Московии отправляет уничтожить харьковского диктатора Сапегова. В ходе выполнения операции ситуация меняется, и Валера родная «контора» сдает противнику. Герой понимает, что стал заложником грязной политической игры, которая не оставляет ему выбора: чтобы избежать жестокой расправы, он должен в одиночку выстоять против всех – чужих и «своих»...

Содержание

ЧАСТЬ I	4
1	4
2	6
3	8
4	11
5	13
6	15
7	18
8	21
9	25
10	28
11	32
12	35
13	37
14	40
15	43
16	47
17	50
18	53
19	56
20	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Николай Басов

Неуязвимых не существует

Не существует самопровозглашенных злодеев, зато самопровозглашенных святых – настоящая армия. И еще сложность в том, что степень зла и добра противоборствующих сторон определяют историки одержавших победу.
Г. К.

Мертвые герои лишаются следующего шанса отличиться.
Ложное утверждение

Лишь победитель утруждает себя, отдавая последние почести противнику.
Истинное утверждение

ЧАСТЬ I

1

Меня взяли в аэропорту. Взяли нагло и неизобретательно. Даже не дали провалиться на явке. Просто еще в самолете вдруг объявили, что нашему рейсу придется пройти особый карантин, который долго не продлится, но во время которого нужно будет сунуться в особенную машинку для определения новых вирусов. Вернее, новых для благословенной Харьковщины, которая борется за освобождение из-под власти Украины, вооруженная высокой мыслью и святой волей его высокопревосходительства генерал-губернатора Килиманада Сапегова.

В последнее время этих вирусов в самом деле появилось видимо-невидимо, так что никого объявление не удивило, тем более что самолет шел из Крыма, где действительно за последние пятьдесят лет вымерла почти треть населения, должно быть, из-за плохой воды. Из Крыма я летел, потому что таков был маршрут, разработанный нашими спецками, предназначенный сбивать с толку всевозможных стукачей, таможенников или контрразведчиков. Они убедили моих командиров, что путь в Волгоград на теплоходе, с троекратной сменой документов и отметками во всех пунктах Волжской Конфедерации, пересадкой на другой теплоход, идущий в Ростов, столицу Донской Федерации, переправой с помощью дружественных нам контрабандистов в Керчь, с довольно рискованным броском в Симферополь под видом бойкого уголовника, что было совсем не безопасно в Крымском ханстве, и наконец, с перелетом бизнес-классом в место назначения, то есть в Харьков, собьет с толку кого угодно. Они так утверждали, и они ошиблись.

Карантин следовало проходить в чем-то вроде томографа, в голем виде, с руками и ногами, зажатыми в специальные браслеты. Уже устраиваясь на столе в позе звезды, я стал догадываться, чем может обернуться дело. Но получилось еще хуже.

Едва я, так сказать, обездвижился, как чей-то весьма решительный голос рассказал обо мне больше, чем я когда-либо рассказывал кому-либо, кроме моих командиров. Но те и так все знали, так что и им я, собственно, не особенно рассказывал. Самое главное, этот голос знал мое задание, которое было сформулировано крайне немногословно – отменить Сапегова.

Потом все смешалось. Меня начинили несметным количеством разного рода химикалиев, внушений, церебротравмошоков, что вызвало такие резкие реакции моего же подсознания, загруженного чувствами вины, грешности и неизбежной, ужасной гибели, что я должен был не просто сломаться, а распасться в труху, в пыль, рассыпаться на атомы. И все-таки они мало чего добились.

Помогли три фактора. Во-первых, у меня было так называемое «обучение смерти». Это очень достоверная, я бы сказал, жизненно верная иллюзия личной смерти. Меня «убивали» из стрелкового оружия, пару раз заставили «задохнуться» в батискафе, опущенном на дно Тихого океана, «замуровывали» в бетоне, «жгли» в дюзах ракетоплана и даже однажды заставили погибнуть от «скорой старости», очень неприятной болезни, которая время от времени поражает наших космонавтов в районе Марса. Конечно, все это было доведено до конца, и все-таки потом я вдруг начинал понимать, что по-прежнему жив и даже, в большинстве случаев, невредим. Как этого добивались, рассказывать долго, да и не особенно приятно, если у слушателя нет склонности к садизму.

Во-вторых, мое сознание было капитально заблокировано, и если бы кто-то даже попытался его разблокировать, для этого меня пришлось бы превратить в настоящего мутанта. Разумеется, при условии, что я не являлся им с самого начала – а в этом я совсем не уверен.

И наконец, третье. У меня всегда под сверхкритическим допросом возникает защитная реакция – я начинаю бредить. Что ни говори, а нам, солдатам Штефана, всякие прессинги с пристрастием, пятые и даже шестые степени допросов особенно повредить не способны. Могут, правда, убить, но это уже не так обидно, как проиграть, но выжить.

В общем, как они надо мной ни измывались, как ни тратили высокооплачиваемого времени самых изысканных, на грани искусства, специалистов, но выяснили только мой генокод, мои физические кондиции, что их откровенно порадовало, потому что я превосходил большую часть специализированных мутантов, не говоря уж об обычных людях, и, предположительно, выяснили мое звание. Оно оказалось до смешного низким. На майора – то есть на меня – в Харькове, где генералов, фельдмаршалов и даже генералиссимусов было как собак, не кинулась бы самая завалящая шлюшка, если у нее еще оставались какие-то амбиции.

А потом все успокоилось, меня перестали мучить, оставили издевательства с солевой водой и позволили спать, причем по-настоящему, а не по четверть часа с последующим громовым подъемом. Спустя пару недель райской жизни и выздоровления ко мне допустили даже инспектора. Тот объявил, что статьи у меня будут, без сомнения, политические, а потому он имеет право от Красного Креста выдать мне специальный презент – микротелевизор. Я смеялся полчаса, когда он ушел, потому что в камере моей не было не то что розетки для подпитки аккумуляторов, но даже радиоволны не должны были сюда проникать, так старательно было выстроено это здание.

И каково же было мое удивление, когда, разобравшись с телеком, я вдруг понял, что он подпитывается светозлементариями, и весьма мощными, а волны в мою камеру все-таки проходили. Правда, всего лишь по одному каналу, но я теперь знал дату и год и даже мог определять время суток. Это было восхитительно, как первая любовь, как ужин в «Редиссон-Московия», как победа в войне над Уральской республикой или какими-нибудь другими державами из ближайшего соседства... Как свобода, наконец!

А еще через месячишко я начал учиться думать. Так уж действовала вся эта наркота, что после нее, как младенцу, приходилось заново вспоминать все, что полагается знать взрослому мужчине. И в этом я почти преуспел. Говорю «почти» потому, что наступило время суда. А я и не знал, что подобное в наши времена может случиться. Но вот случилось.

2

Чтобы поддержать церемонии, о которых я прежде только в книжках читал, мне выдали мое дело. Оно было пухленьким, но не очень. Разумеется, с электронным дублированием, так что даже если бы я, памятуя старую романтику, сожрал какую-нибудь особо ценную справку, мне бы ее совершенно идеально восстановили. Кажется, это именно так называется, – когда на тебя могут сотворить безмерное количество компрометирующих документов, и никто никогда не сумеет опровергнуть обвинение, полагая, что они недействительны или фальшивы.

Читая свое дело, я еще раз пришел к выводу, что словоблудие – душа юриспруденции. Там было очень много такого, о чем я и понятия не имел, но что, по мнению прокурора, было вызвано непосредственно мной, и за что я подлежал наказанию. То есть по всем божеским и человеческим законам меня незамедлительно следовало казнить. Без поблажек и оправдания.

Прочитав о якобы инициированных мной эпидемиях массового людоедства, об участии в опытах по клонированию особо выдающихся преступников для получения идеальных исполнителей, о массовых казнях социальных заложников, что изобрел, если не ошибаюсь, еще Ленин в начале XX века, я даже успокоился. На этом фоне ужасов и мерзостей мои реальные грехи выглядели детскими шалостями. После всего, что я действительно сотворил, мне, если я правильно помнил свой послужной список, была уготована прямая дорога в рай и никак иначе.

А вот Сапегов оказался настоящей скотиной, если он обращался со своими согражданами хотя бы приблизительно так, в чем обвинял меня. Хотя, следует принять во внимание, он ведь не из нормальных властителей, или королей, или президентов, или ханов, или председателей Советов, или директоров. Он из тех немногих уголовников, которые поднялись от мелкого рэкета до серьезной власти, прихватив, по случаю, эту самую власть у менее удачливых конкурентов. Было время, когда я думал о нем, как об исключительной персоне. К счастью, это быстро прошло, я попросту решил, что таких, как он, всегда было немало, просто почему-то они по-прежнему нас удивляют, привлекают к себе внимание и даже слегка завораживают.

Так было раньше, когда мелкий громила Сталин стал вождем огромной страны, когда туповатый наркобарон Андресол практически сделался единоличным диктатором обеих Америк, когда электронный воришка Злур Капи отхватил себе настоящую подводную империю в Южной Атлантике, что до него не удавалось никому. Подводные полисы контролировали относительно небольшие участки морского дна, и это обеспечивало всем гидроцивилизациям нашей матушки-Земли немыслимую фрагментарность и ту же свободу, что первопоселенцам в Новом Свете. И даже больше, потому что никакой Новый Свет не идет в сравнение с гидромиром, что скрывается под волнами всех наших чрезвычайно разлившихся за последние три четверти века океанов.

Вообще-то, еще в Москве меня снабдили, должно быть, по ошибке, каким-то докладом, где утверждалось, что гораздо полезнее не устранять Сапегова и приводить к власти его промосковски настроенных конкурентов, которые на самом деле не такие уж и промосковские. Гораздо лучше приручить его, связать взаимобязательствами, подкормить для вида, сначала не очень, чтобы аппетит не пропал, и тайно, чтобы соперники не сразу поняли, что происходит. Но решительно. И якобы это являлось наилучшим решением.

Тогда, во время подготовки к этому заданию, я тоже так подумал. Москва, мои бывшие начальники и командиры, стоило им опробовать этот ход, получали бы возможность вмешиваться во всякие комбинации на территории Украины и даже влиять на кое-какие решения

зловредной Киевской рады. Конечно, тут, по моему телику, она называла себя Всеукраинской радой, но это был блеф, как давным–давно любое государство стало блефом.

Нет, конечно, кое-какие ритуалы и символы остались – деньги, гербы, старые знамена, гимны, присяги, пышные титулы, иногда – армии. Но денег было слишком много и выпускал их каждый, кому не лень, гербы ничего не значили, знамена продавались и перепродавались оптом и в розницу, гимны играли оркестры, состоящие из людей, умерших десятилетия назад, присягам никто не верил, а титулы напридумывали уже такие, что даже Император Вселенной встречался, кажется, раз пять только среди известных мне тюрко-славянских стран, и это никого не заставляло вздрагивать. Оставались армии, но и они каким-то образом стали больше походить на наемные банды, автоматизированные, высокооплачиваемые, но все-таки банды, не предназначенные ни для чего другого, кроме как для грабежа сограждан.

Большую часть старых городов контролировал странный симбиотический организм из полиции и преступников, причем где начиналось одно и заканчивалось другое – не могли выяснить даже сами политики. Малые городки были расписаны по принципу средневековых сеньорий за тем или иным преступным магнатом, который очень часто действительно добивался порядка и даже способствовал некоторому повышению качества жизни своих подконтрольных граждан. Вот только в любой момент он мог передумать, затеять войну с соседом или конкурентом, мог обратить всех в рабство или устроить концлагеря, по сравнению с которыми жестокости ГУЛАГа не выглядели рекордом.

И вся эта пестрая, чуть не ежедневно меняющаяся картина властей, силы, авторитетов, договоров, войн, стычек, ужасов, муки, голода, роскоши, идеологий, неизменных людей и мутантов, то есть нелюдей, роботов, гидроцивилизаций и Внеземелья, технических, биологических, психологических или религиозных революций, вся эта смесь прошлого и настоящего, старых названий и новых, ужасающих болезней, оружия, изобретений, информации, энергии и парапсихологии, ненависти, любви, похоти, популярного и изысканного искусства – все это существовало за стенами тюрьмы, в которой я сидел, и даже мне, майору Московии, разумеется, не простому, а одному из тех, кого по непонятной причине еще полсотни лет тому назад стали называть солдатами Штефана, было ясно, что добром все это не кончится. Даже я соображал, что должно произойти что-то вроде Третьей Великой засухи или Второго Всемирного потопа, чтобы люди образумились и жизнь потекла в правильном направлении – к добру, свету и милосердию.

И еще я думал, глядя в жидкокристаллический цветоквазиобъемный экран своего телека, что, пожалуй, нечего кукситься. Возможно, я сделал ошибку. Ведь напросился же я на это дело почти без начальственных требований, почти без толчков в спину. Мог бы и что-нибудь полегче выбрать, например, попытался бы внедриться в преступный синдикат из Тбилиси, столицы Иверии, где, как доносили сводки, объявился некий стукач, заваливший половину нашей агентуры. Смотался бы за Кавказ, вычислил и грохнул предателя, вернулся к жене, получил очередную премию... Так нет же, позволил уговорить себя на Харьков.

Вот теперь и не хнычь – следовал ответ на все мои невнятные переживания.

Какие-то уж слишком невнятные... Кажется, тюремщики опять начали мне какую-то наркоту подкладывать в жратву. Сгоряча я решил попоститься. Вот только не знал – нужно ли?

3

Солдаты Штефана – нечто такое, что появилось в мире уже в готовом виде, словно нас вытащили из коробки. Когда-то, лет с полста назад, нас было очень много, просто в полицейский участок нельзя было приехать, чтобы не наткнуться на парочку солдат Штефана. Кстати, благодаря журналистам, с той поры устоялся и вполне окреп по отношению к ним враждебный тон, и даже не просто враждебный, а густо замешанный на ненависти. Почему так получилось – я не знаю.

Потом они все исчезли. Чуть не в одно десятилетие, словно корова языком слизнула, и остались лишь какие-то недобитки. Вроде меня. Но со мной-то все абсолютно понятно, я – последний, по крайней мере, в Московии.

Раздумывая над этой загадкой, я пришел к выводу, что на самом деле никогда нас не было очень много, просто всякие оболтусы, которые и пистолет-то держать не научились, называли себя солдатами Штефана, чтобы обеспечить психологическое преимущество в стычке со всякой нечистью. То есть они «косили» под истинных солдат, надеясь избежать худшего. А потом каким-то образом был разработан тест на истинных солдат Штефана, и называться так стало невозможно – оказалось, что нужно быть. Или помалкивать. И мы как бы исчезли, то есть желающих врать стало меньше, это сделалось опасно.

Не знаю, мне самому в этой гипотезе чудится масса дыр, которые никакими догадками не заткнешь, но что-то о себе знать нужно, поэтому приходится выдумывать.

Еще про нас говорят, что те солдаты, которых было много, каким-то образом все перешли в так называемые вольные солдаты Штефана. Что это такое, вообще-то понятно – мы уже не служили в полиции, не служили в спецназе, в особых частях, не входили в списки резервистов, не получали надбавку за риск, за сложность, за массу всего другого, что на настоящей войне подсчитать удастся лишь приблизительно. А то, что мы не вылезали из драк, – это факт, который вряд ли поставит под сомнение даже самый предвзятый противник. Разумеется, все вынуждены были признавать, что мы всегда дрались на стороне так называемого порядка, хотя что это такое, наша Всемирная цивилизация забыла, вероятно, более века тому назад. Но в любом случае, мы служили тем, кто пытался сдерживать пружину Зла, не дать ей разжаться до предела, пытались уменьшить влияние ненависти, разрушений и самой смерти до сколько-нибудь допустимых пределов. Как оказалось, одержать хотя бы временную победу нам не удалось.

Где-то я прочитал догадку одного дотошного вольнодумца, который утверждал, что солдаты Штефана генетически не могут служить сволочам. Из этого он делал выводы, что за всю историю на стороне бандитов и даже вполне законных, но очень уж жестоких властителей служили лишь самозванные солдаты Штефана, но не оказалось ни одного истинного. Я же решил, если догадка верна, то сразу становится понятно, почему мы в итоге ушли в вольные солдаты, пренебрегая выгодами явственного общественного статуса.

Тот же отгадчик предположил, что сначала у нас было много подчиненных, единомышленников, попутчиков, что сначала мы водили настоящие отряды разного рода людей, возмнивших, что они могут помочь нам построить царство добра и справедливости на этой Земле, в этом мире. Кончилось тем, что попутчики рассеялись, единомышленники погибли, и солдаты остались сами по себе.

Они пошли куда-то дальше, каждый в полном одиночестве, чтобы искать что-то, чего я не понимал. Но теперь к ним никто не приставал, никто не рвался идти с ними рядом, никто уже не хотел строить новый мир их методами, потому что у них осталась скверная репутация командиров, которые теряют своих бойцов, оставаясь при этом в живых. Может быть, поэтому возникло это всеобщее неприятие, переходящее в ненависть.

Или они оказались слишком чистыми для тех, кто думал не о всеобщем благе, но о себе в первую очередь? Думал и предлагал такие методы достижения этого блага, которые нам не подходили...

Было время, я пытался разгадать, что вообще могло обозначаться этим словечком – Штефан? Но ничего не придумал, потому что это могла быть фамилия ученого или одного из техноколдунов, а может, парапсихологов, которых развелось еще больше. Это вполне могло быть название города или местности или древнее прозвище какого-нибудь божества, природного элемента или стихийного явления. Собственно, это могло быть что угодно.

Но какой бы природой этот элемент не был проявлен, главное в нем было одно – умение воевать. Мы, солдаты Штефана, возникли или были созданы для войны. В прежние времена у каждого из нас, помимо имени, было название, определяющее нечто особенное. Когда нас стало очень мало, каким-то образом установилась общая кличка – Рожденные Убивать. Поскольку я остался, по-видимому, последним, это должно быть переведено в единственное число, как бы меня это ни раздражало.

Я много раз повторял эту кличку про себя, ощущая вкус слов на языке, пытаюсь, как в медитации, рассмотреть и постигнуть суть предмета, явленного почти единым, бесконечным сочетанием звуков – Рожденный Убивать, Рожденныйубивать, рожденныйубиватьродж...

Но так ничего и не понял. Кроме того, что меня, по всей видимости, все же родила женщина. Знать это было приятно. Приятно быть рожденным женщиной, возможно, даже неизменной женщиной, а не быть сконструированным из биомеханических аппаратов, клонированным или отделенным от Многоцветной Матки – некой пульпы, бесформенной субстанции, которая как на конвейере производит крошечные эмбрионы.

На самом деле, я не помню, что и как со мной происходило прежде, в детстве, и было ли оно вообще – мое детство. В памяти остались только бесконечные ментальные тренировки под ментоскопом, когда я стал уже вполне сложившимся юнцом, и, разумеется, полный курс Умираний. Все эти тренировки установили следующие специализации – скорость, телепатия и метаморфия. Иногда ее еще называют автоликией – в честь сына Гермеса и деда Одиссея по материнской линии, который был, по сути, вором, но умел менять свою внешность под любого человека, а иногда даже становился невидимым.

Скорость мне развили не очень, поскольку я слишком часто рвал органы своего тела. Телепатия у меня тоже была куда как ниже среднего ментата, поскольку мне не хватало биологической энергетики. А про автоликию и вовсе говорить не будем – мне она должна была помогать лишь менять внешность, чтобы уходить от преследования. Я бы не мог даже «перетечь» в четырехногого бегуна, вроде волка, или быстро нарастить массу, чтобы замаскироваться под мутанта, скажем, весом в треть тонны отменных мускулов.

Помимо этих базовых величин, в меня, конечно, вогнали огромное количество данных о всяких тактиках выживания, о боевых техниках в разных условиях, о полицейских штучках, о противомерах этим штучкам... Чтобы поднять психологическую устойчивость, в меня также механически, как на лазерный диск, записали массу данных по истории, это должно было помочь мне думать в причинно-следственном ряду. Что ни говори, а работа историка совсем не чужда следовательской. В итоге я мог бы, наверное, получить некую ученую степень в среднепровинциальном университете, но не потому, что имею к этому склонность, а потому, что меня так сотворили.

Иной раз, пытаюсь оценить ту или иную операцию и взвешивая свои шансы на успех, я приходил к выводу, что солдат Штефана из меня получился, скорее всего, слабый. В старину солдаты Штефана имели по десятку разных специализаций, и это не считалось верхом возможностей. Иные из оперативных штучек они изобретали сами, правда, даже другим солдатам оставалось непонятно, в чем была суть изобретения и как это следовало исполнять. Зато с ними не связывались даже самые страшные из злодеев. А тогда и среди уголовников

бывали фигуры вполне легендарные... Или всякое время рождает свои легенды, подобно тому, как земля всегда выносит камни на поверхность, как море выбрасывает на берег пуки водорослей, как разум очищает воспоминания, даже если они стерты и уже ничего не стоят?

Еще про нас рассказывают, что от союза неизменной женщины и солдата Штефана когда-нибудь родится герой, который что-то там такое обновит. Вероятно, имеется в виду наш мир. Не знаю, в такое я не верю.

Но женщины, особенно неизменные, с этим считаются и предпринимают соответствующие действия. Иногда это приятно, но чаще создает проблемы.

Итак, мы были созданы для боя за что-то, что можно назвать светлым, неиспорченным человеком, хотя сам термин давно превратился в абстракцию, настолько редко данный объект встречается в нашем мире. И потому умение это сделалось скорее наказанием, чем заслугой или благом. Когда я осознал ситуацию, вероятно, подобно другим моим собратьям, я попытался от этой предопределенности избавляться. Но, приложив немало усилий, кажется, ничего не добился.

Повторяю, сделать это оказалось практически невозможно. Как я уже сказал, нас такими создали, и в этом коренилось наше проклятие. С этим можно было только смириться, но изменить что-либо не сумел бы, скорее всего, даже Всевышний.

4

Суд надо мной проходил в огромном зале Дворца Справедливости. Были допущены журналисты чуть не из трети всех государств, обустроившихся на обширных некогда просторах России. Была и группа поддержки, которая время от времени начинала скандировать какие-то смертоносные обещания или просто вопила от ненависти к Московии и ее наймитам. Под гулкими сводами эти вопли звучали особенно впечатляюще.

Судьи сидели в париках, как на старых гравюрах. Лица у них были сосредоточенными, серьезными, иногда задумчивыми. Это мне абсолютно не нравилось, потому что думать в этой ситуации было не о чем. Это лишь убеждало, что фарс еще не стал самодостаточным, что игра еще не убедила самих игроков и что возможны всплески критических мыслей и общих сомнений в происходящем. Любые сомнения требовали подавления, а это значило, что мои судьи могли впасть в такую дикую решительность, что меня потом за сто лет собрать не удалось бы.

Они могли приговорить меня либо к лишению тела и пожизненному существованию в виде голого черепа, позвоночника и наиболее существенных периферийных нервных тканей, что было вполне возможно в среде гипероксидного физраствора.

Еще они могли приговорить меня к так называемой постоянной пытке. Это значило, что меня через вживленные электроды пытали бы, вызывая самые жуткие болевые ощущения непосредственно в мозгу. Впрочем, сейчас от этого все изуверы мира потихоньку отказывались, потому что жертва очень быстро, всего-то через пару-тройку недель, впадала в кому, а это делало наказание неэффективным. Но я все-таки надеялся на что-нибудь более приемлемое, например, на попытку Сапегова выглядеть демократом, а значит, меня могли выслать на Марс, или продать как подопытный материал каким-нибудь спецам по имплантации, или хотя бы просто изменить личностные слои психики. Жаль, последнее было маловероятно, кто-то из их ментальных гениев дал заключение, подшитое к моему делу, что эту операцию я выдержу, а значит, она не может быть ко мне применена.

Я сидел во вполне красивенькой клетке, сделанной якобы из темных деревянных прутьев. Эти прутки, казалось, новорожденный ребенок мог переломить щелчком одного пальца, поэтому вокруг стояла охрана, играя на нервах окружающих журналистов, предлагая им порадоваться собственной смелости и приблизиться ко мне шагов на пять-семь. И попасть, таким образом, в заложники, буде я попытаюсь освободиться.

На самом деле, через сердцевину этих прутиков были пропущены сверхмощные лазерные шнуры, которые распилили бы мне руку или ногу, если бы я попытался эту клетку сокрушить. Но даже этого было мало моим охранникам. Надо мной вместо потолка клетки висела такая мощная клемма гипнопресса, что при желании невидимый, но существующий где-то поблизости оператор мог меня, наверное, превратить в полного идиота за пару минут, а я бы даже ничего не сумел сделать.

Иногда он пользовался властью, данной ему Сапеговым, и придавливал мое сознание. Я и так едва мог сидеть да слушать, но, когда он включал свою сволочную установку, мне стоило большого труда не завывать, не забиться в конвульсиях, не сойти с ума на глазах всех этих мерзавцев. Жаль, приходилось терпеть и надеяться, что садист за пультом управления не перегнет палку.

Говорить, конечно, я был не в силах. Даже когда мне давали слово, я лишь мычал, и тогда у всех присутствующих складывалось впечатление о диком фанатике, дебиле с отсутствием речевой способности и кровожадном злодее, отказывающемся от всех проявлений судейского гуманизма.

В минуты, когда я все-таки мог хоть на чем-то сосредоточиться, я рассматривал ментата, который служил секретарем суда. Это был не очень даже выдающийся тип мозговика, как их иногда называют журналисты. Голова у него весила всего-то килограммов семь, а это позволяло почти не уродовать ее форму непропорциональными надбровными шишками или слишком далеко отстоящим затылком.

Зато у моего судьи, которая некогда была, кажется, женщиной, голова весила существенно больше, я бы об заклад не побился, но, думаю, на двенадцать килограммов она могла потянуть. Вот это выглядело уже уродливо, даже в парике.

Впервые рассмотрев судей, я вообразил, что этот идиот Сапегов хочет показать всем и каждому, что у него тоже есть умники на службе. И лишь потом сообразил, что его замысел глубже.

В общественном мнении утвердилось представление, что ментаты якобы не допускают неточности и несправедливости при рассмотрении судебных дел любого уровня, что они воплощают в себе всечеловеческую мечту об абсолютной справедливости вообще и совершенной судебной системе в частности.

Раньше так и было, раньше я бы тоже, пожалуй, в это поверил. Но сейчас прогресс высоких биотехнологий и низменной изобретательности дошел до того, что человечество научилось создавать лишь видимость ментатной точности и совершенства. Нет, я не утверждаю, что эти ментаты были подделкой, такое было бы невозможно, фальшивого ментата последний шелкопер из сидящих в зале вычислил бы задолго до того, как мозговик открыл бы рот и заговорил свойственной ментатам скороречью, от которой у нормального человека остается только свист в ушах и полный сумбур в мыслях, которую единственно и мог расшифровать секретарь суда, то есть полументат.

Но в любом случае, я был убежден, что эти ментаты были не те, которых изготавливали в старые добрые времена, а чуточку измененные, ровно настолько, чтобы ошибаться в требуемую политикам сторону. И базовая точность уже не являлась для них чем-то абсолютным, а могла быть скорректирована и даже заказана заранее кем-то, кто имел над ними власть. Почему у меня возникло такое впечатление, я не знаю, но оно было настолько стойким, что даже гипнопресс не мог его вытравить.

И это, помимо прочего, значило, что надеяться не на что, участь моя решена, а судьба будет отличаться от самого скверного решения только деталями. И мне следовало встретить ее, вытерпеть и не расплескать остатков той воли, которую мои тюремщики еще оставили в моем сознании.

Так я и сделал. Ждал, терпел, ни на что не надеялся и встретил решение со всем доступным мне равнодушием. А осудили меня, разумеется, на всю катушку – изменение психики, лишение тела, вечное заточение и вечные муки одновременно.

5

До приведения приговора могло пройти несколько недель или месяцев, это уж как получится. И я не особенно удивился, когда меня посадили к блатарям на эти несколько недель. Стало ясно, если я буду «правильно» себя вести, мне позволят потянуть срок чуть дольше. Все зависело от меня, почти как на воле.

Уголовники были мерзостные, как бывает со всеми до дна опустившимися людьми. Но эти ухитрились опуститься еще ниже, чем можно себе вообразить. Их было штук десять, они неплохо спелись, распределили скромное имущество камеры, иерархию, и сначала со мной даже попытались вести себя пристойно.

Дело в том, что у них уже было кого запугивать. Это был жалкий, худой и в то же время всегда потный, длинный парень со спутанными волосами.

Издевались над ним уже не очень, зубы для удовольствия не выдерживали, пальцы не ломали, на пол запеленутого в простынку не роняли, языком чистить парашу не заставляли. Сначала я даже подумал, что у паренька все-таки остались какие-то связи с волей и он сумел кого-то подкупить из наших надзирателей, а в камере имеется «глазок», который позволяет следить и хоть как-то контролировать поведение этих сволочей.

Но как-то поутру, проверив мысли одного из этих подонков, когда он еще не до конца проснулся, я поразился – они просто потеряли к прежней своей жертве интерес. Им хотелось схватиться со мной, меня сделать объектом новых утех.

Мне оставалось только посмеяться, впрочем, ход был не мой, я просто ждал. Сначала они попытались, разумеется, украсть мой телевизор, но не особенно даже настырно. Если бы я слишком возроптал, надзиратели могли его вовсе отобрать, а этого углашам не хотелось.

Тогда они стали говорить мне разные разности, от которых, по их мнению, у меня должна была стечь кровь в жилах. Потом они принялись на моих глазах мучить потного. Сначала его изнасиловали подряд раз пятнадцать. Под конец он даже отключился, но никто из надзирателей не вмешался, никому до этого не было дела. Я хотел было за него заступиться, хотя все инструкции советуют не иметь с опущенными никаких дел, тем более не заступаться, но потом вдруг понял, что все уже predetermined, и не стал ничего делать.

И в самом деле, к следующему утру он повесился. Тихонько, миллиметр за миллиметром разорвал простыню, сплел короткую, но вполне надежную веревку и удавился на решетке. То, что он должен повеситься, ему заложили посредством гипновнушения, и совсем недавно. Пожалуй, на последнем допросе, не раньше и не позже. А у него уже не хватило сил бороться за жизнь и не подчиняться такому приказу.

Сам факт изнасилования не имел особого значения, его уже столько раз насиловали, что какой-либо неожиданностью для него это быть не могло. И оскорблением тоже. Но теперь у моих сокамерников не было другой живой игрушки, кроме меня. И я стал ждать развития событий с некоторым даже интересом.

Дело в том, что в меня тоже могли вложить пассивное отношение к некоторым неприятностям, например к групповухе за мой счет. И я бы об этом даже не догадался, разумеется, вплоть до решительного момента. С нами, солдатами Штефана, никогда ничего заранее не известно. Хотя, с другой стороны, я свято верил, что перепрограммировать нас невозможно. Но тут уж как выйдет, каждый раз приходилось проверять достоверность этого постулата.

Когда суэта, устроенная тюремной администрацией, выразившаяся в не очень старательном расследовании самоубийства, воплями избиваемых для профилактики прямо в камере уголовников, выносом тела и прочими мелкими хлопотами, затихла, вся эта шобла стала поглядывать на меня совсем уж откровенно. Но добрых три дня никто из них на враж-

дебные действия не решался, все-таки про меня им было что-то известно, и они понимали, первый, кто пойдет за ясно видимую всем линию, пострадает больше других.

Но наступил день, когда один из этих гадов, мутант килограммов под четыреста, убийца и грабитель с ряшкой настоящего орангутанга, волосатый и вонючий, как скунс, решился и подгрел ко мне с вытянутыми вперед руками. Я даже не стал спрашивать, чего он хочет. Стоило ему только ослабиться, я влепил в него пяток ударов, от которых закачался бы столетний дуб. Мой противник попытался ответить, но скорость у него из-за избыточной массы была не очень. Даже здесь, в тесной камере, он мог стараться целый год и ни разу в меня не попал бы.

Потом мне это надоело, да и остальная банда возбудилась сверх меры, того и гляди, навалится гурьбой. Тогда я сделал пару обманных движений, а когда орангутанг купился, я залетел ему за спину и одним очень сложным движением перекрыл и разорвал яремную вену, как цирковые силачи разрывают гнилые канаты. Впрочем, нет, канаты как раз рвут действительно силой, мой же прием основывался на скорости. В общем, это не самый известный трюк, скажу только, что скорости, необходимой для того, чтобы кентосами загасить свечку, не коснувшись пламени, в этом случае было бы недостаточно.

Разумеется, его дубленую кожу мне было не пробить, но этого и не требовалось. Внутреннего кровоизлияния вполне хватало для смерти в течение минут десяти или чуть больше. Сделав свое дело, я отскочил назад, чуть запыхавшись, потому что после массажной обработки наркотой всегда теряю форму. А за последние пару месяцев в меня влили тонны самой разнообразной пакости, так что я даже не стыдился, что вынужден дышать глубже, чем обычно.

Как ни глуп был орангутанг, он понял, что я сделал. И еще он понял, что умирает. Из последних сил он дотелепался до двери, стал стучать в нее кулаками и звать на помощь. Определенно, он пребывал в шоке. Он не ожидал такого и не хотел умирать.

Должно быть, последнее и помогло ему выжить, тюремщик его услышал, открыл дверь, а когда сообразил, что случилось, стал действовать вполне разумно. Он вызвал по внутренней связи санитаров и даже попытался пережать место разрыва, хотя его слабые пальцы для этой операции оказались не самым подходящим инструментом.

Когда дурака унесли в лазарет, а всех нас еще разок поколотили, наступил тот самый момент. Охрана поняла, что даже все эти обормоты разом меня на хор не поставят. Требовалось сделать что-то совсем решительное. Они и сделали, то есть приковали меня к койке кандалами. Убедившись, что я распят, тюремщики отвалили, а мы остались.

Вот теперь я казался беззащитным. Чтобы догадаться, как это восприняли мои сокамерники, стоило только посмотреть на их гнусные рожи. Впрочем, я и смотреть не стал, все и так было понятно.

6

Атаковать они решились не сразу, и это давало мне шанс. Вернее, они, конечно, стали вокруг меня топтаться, что-то бурча, обмениваясь многозначительными взглядами, потирая руки, ухмыляясь малоподвижными, вырожденческими мордами, но...

В камере между собой выясняли отношения два вожака. Один был явным громилой, из тех мутантов, которых называют троллями. Огромный, рыжевато-зеленый, с редкой шерстью на груди и спине, под которой виднелась синюшная, как у утопленника, кожа. Такие ребята были не очень скоры на раздумья, но, подумав, как правило, ошибались редко. А это, вкупе с немалой силой, делало их однозначными вожаками самых различных банд.

Второй был из гоблинов, или, как их еще называли на Северо-Западе, клыкунов, за выступающие вперед клыки, визгливость, стервозность и бешеную злобу. Вот эти-то всегда рвались в вожаки, хотя почти всегда у них этот пост доставался женщинам, должно быть, потому, что мужикам не хватало гибкости, способности отступать и думать о других, а не только о себе.

В любом случае, как бы оба ни выглядели, как бы определенно не обозначали свои намерения, они медлили, стервецы, и это было хорошо.

Одной из особенностей метаморфии является существенная прочность костей, иначе они не выдерживали бы скоростных нагрузок, и к тому же здорово разжиженные хрящи. Следовательно, у меня оставался шанс, хотя и не самый явный. Но я попытался его использовать и скоренько, чтобы не опоздать, стал разрабатывать суставные сумки на кистях и лодыжках. Одновременно я принялся наращивать мускулы и в этом случае напрягся так, что чуть вены не рвал от чрезмерно возросшего кровотока.

Левую ногу у меня что-то заколодило, но она всегда была у меня слабее и непослушнее. А вот правая нога вдруг размочалилась как следует и стала вполне уверенно вылезать из кандального зажима. Конечно, кожа сдиралась, как стружка на станке, но это можно было залечить и потом, а вот вторую жизнь даже мне купить было непросто. Поэтому я спешил. Почти так же, только с отставанием в четверть минуты, дело обстояло и с правой рукой.

Я работал так, что пот стал пропитывать мое тощенькое тюремное одеяло, и это срабатало против меня. Они решили, что я потею от страха, хотя страха, конечно, никакого не было... Вернее, я был даже благодарен одеялу, которое не давало этим остолопам увидеть, чем я, собственно, занимаюсь. И все— таки я молился, чтобы они покантовались еще немного, еще чуть-чуть...

Я опоздал совсем немного. Троль вдруг взрыкнул, выпятил грудную клетку и осмотрел своих сторонников таким взглядом, что к нему тут же перебежало двое из колеблющихся. Теперь рядом с ним стояло четверо, включая обычного подхалима той же породы, только поменьше размерами. Тогда клыкун тоже попытался наwerbовать себе команду, но рядом с ним никого не оказалось, несмотря на его визги и всхлипы, от которых у обычной гиены случился бы обморок. Даже наоборот, те, кто был не очень далеко от него, отошли, чтобы троль случайно не решил, что они раздумывают — не примкнуть ли к соперничающей группе. Это и разрешило противостояние.

Троль глупо, подло рассмеялся, хотя смеялся только рот, а глаза оставались неподвижными красноватыми щелочками, вытащил из тренировочных штанов свой член и шагнул ко мне. Никто не оспаривал его право быть первым, но все-таки он оглянулся для верности по сторонам.

Вот этой заминки мне и не хватало, зато когда он решил, что все в порядке, я уже был способен действовать. Выдернул ногу с такой силой, что она издала чмокающий звук, и тут же стал ее закреплять, чтобы она не оказалась совсем как кисель. Это было нелегко —

размягчать одну ногу и руки и закреплять другую ногу, но я справился. Вот только пришлось согнуть ее в колене, чтобы дело шло быстрее...

Один из гадов заметил это и нечленораздельно, как почти все мутанты, заорал что-то, но опоздал. У меня уже стала выходить и рука, когда тролль замер надо мной, обшаривая меня взглядом, пытаюсь понять, что не так. Я не стал даже сдергивать одеяло: решил, что оно не слишком замедлит удар. И оказался прав.

Удар получился что надо, нога вылетела вперед, как ракета, пробив рыхлую синтетику, словно неровную морскую рябь. И попадание было отменным, член Тролля оказался размазанным просто в лепешку, и это было весьма бодрящим для меня ощущением.

Когда первый из насильников стал отваливаться, на смену ему бросился второй. Конечно, это был клыкун, этот хотел не только перехватить ногу, но и запустить в нее зубы. Есть у этих вырожденцев такой рефлекс, они любят кусаться. Это мне опять помогло. Только он успел прихватить ногу, я выдернул из металлического захвата руку, сумел рывком подтянуть гоблина к себе и тут же, на противоходе сверху, как кувалдой врезал ему кулаком по переносью.

Рука была еще незакрепленной, очень тонкой, слабой. В ней еще не угасли до приемлемого уровня естественные боли перетекания, но гoblin завалился назад, как куль, даже не пискнув. Зато по камере очень отчетливо прокатился треск сломанной переносицы. Я надеялся, что хотя бы пара осколков ушла достаточно глубоко в череп, чтобы задеть мозг вырожденца, если у него был мозг, но особенно на это не рассчитывал. Мутанты живучи, обычного гоблина одним ударом не пристукнешь.

Потом пошла куча-мала. Кто-то пытался захватить мою руку, чтобы я не очень-то ею размахивал, кто-то понял, в чем дело, и попытался придержать левую, находящуюся еще в зажиме, ногу. Для этого даже откинули одеяло, или разорвали его, я не заметил подробностей... Это было неплохо, совсем неплохо, сейчас одеяло уже стесняло меня.

Какой-то гном под метр с кепкой попытался головой замолотить мне живот...

Вот этого делать не стоило. Я сделал правую руку еще более потной, чем раньше, она выскользнула из лап навалившегося на нее идиота, как масляная, а потом захватил карлику шею, уперся ему в лоб плечом, потому что левая рука по-прежнему не действовала, и поддался вперед. Его шея хрупнула, как веточка с чересчур крупным орехом. Одновременно у меня освободилась и левая рука, как это произошло – не знаю, может, я слишком рванулся вперед...

И все-таки это были опытные насильники и драчуны, они привыкли действовать сообща, кто-то еще раз захватил мне ногу, кто-то повис на плечах, а передо мной, на расстоянии полуметра, возник голый живот еще одного предприимчивого сексопата. Видимо, он решил, что вся эта возня вот-вот кончится и ему лучше быть в полной готовности, тогда ему и достанется раньше, чем остальным... Ему и досталось.

Я не очень долго раздумывал, пальцы левой руки у меня были уже вполне в норме, я просто сграбастал всю мошонку этого гада, каким-то не вполне понятным даже для себя образом повернулся, и весь причиндал оказался у меня в руке. Последние полоски кожи, вен и нервов я оторвал, дернув этот комок крови и слизи на себя. Предприимчивый заорал, да так, что даже мои противники на миг застыли. Потом он еще долго катался по полу, пытаюсь руками удерживать хлещущую кровь, безостановочно завывая. Он так и умер в сознании, не переставая скулить.

Еще одному из нападающих я просто, не мудрствуя лукаво, выколол глаза, и когда он отвалился, почему-то сразу стало легче. Должно быть потому, что освободилась и левая нога. Я смог не только подняться, но и стряхнуть с себя пропитанное разной мерзостью, разорванное в клочки одеяло.

Теперь ситуация изменилась. Я стоял, мои противники зажались в углу. Их было еще четверо, и они могли драться. Они и собирались драться, я читал это в их глазах.

Но они читали в моих глазах, что это безнадежный для них бой. Если хоть один из них остался бы в живых, он донес бы, рассказал тюремщикам, что тут произошло, а мне не хотелось, чтобы тюремные остолопы насторожились и приняли против меня дополнительные меры безопасности. Это могло осложнить возможность побега в будущем или даже вообще сделать его невозможным. Поэтому я пошел в атаку.

Я давно не дрался и орудовал с удовольствием. К тому же боеспособных было всего четверо, и они не умели даже половины того, что необходимо знать, если хочешь противостоять мне. Поэтому все кончилось очень быстро.

Подводя итоги этой потасовки, восстанавливая ее в памяти, я подсчитал, что еще одному сломал переносицу, только уже не для болевых ощущений, а наверняка ногой, так что у него половина лица оказалась вмятой чуть не до задней стенки черепа. Второму я сломал руку у плеча, а пока он пытался выдернуть и понянуть ее, убил его, замолотив сзади из-под лопатки сердце проникающими, глубинными ударами. Одному я просто свернул голову, а последнему сломал об угол кровати позвоночник у седьмого позвонка.

Потом я огляделся. Кое-кто еще был жив, и это никак меня не устраивало.

Поэтому я прошелся по всем, для верности нанося то удар по желтым точкам, которые самые отпетые хулиганы в уличных драках не решаются наносить, то хитрым приемом разрывая вены, чтобы негодяй истек кровью.

Последним был тролль, который хотел быть первым. Я подошел к нему с опаской, от удара в пах он уже должен был очухаться, на то он и громила. А он по-прежнему лежал, не двигаясь...

Рассмотрев труп как следует, я понял, в чем дело. Попытавшись закричать, он неловко вытянул язык, а свалившись на пол, прикусил его. Он истек кровью от откушенного языка или от болевого шока, вызванного этой травмой. Мне было все равно, он был мертв, и его даже не нужно было добивать.

Прогулявшись еще раз по камере, чтобы удостовериться, что все в порядке, я вымылся из общего тазика, как мог, нашел новое одеяло, привел свою кровать в приемлемый вид и спокойно, никуда особенно не торопясь, вправился в кандалы. Для моих тюремщиков я должен был оставаться единственной, не внушающей ужас подробностью во всей этой камере.

Может быть, кто-нибудь из них вздумает изнасиловать меня, думал я вяло, проваливаясь в сладкую дрему, которая иногда становилась совершенно необоримой после скоростных нагрузок. Тогда у меня появится шанс освободиться и бежать. Я даже взвесил шанс пококетничать с кем-нибудь из них... Нет, не поверят, решил я, а после всего тут происшедшего получится только хуже.

Так я и не стал разрабатывать этот план, когда они пришли. Впрочем, они все равно не дали бы мне такой возможности, потому что, увидев, что произошло, накачали меня химией и опять потащили под ментоскоп. К счастью, это были не искусные следовательские, а грубые, как чурки, тюремные ментоскописты, поэтому мне было вовсе не трудно дать им понять, что драка произошла сама собой, из-за того, что ребята не поделили, кто первым на меня заберется.

Я не знал, насколько это правдоподобно, но все сработало. Меня сунули в блок к политическим заключенным, где камеры были устроены на двоих, и, по всей видимости, несмотря на крутейший приговор, забыли, как забывают старую, ненужную одежду, брошенную под другие тряпки не первой свежести.

7

Камера все определеннее наливалась дневным, хотя и сумеречным светом. Утро приходило в ту точку земного шара, где располагалась наша тюрьма.

Неподалеку, в одной из близких двухместных камер, запела какая-то птица. В ней сидели настоящие супруги. По Брюссельской конвенции какого-то там лохматого года политическим иногда разрешали сидеть вместе даже здесь, в Харьковском централе. Чтобы не прерывать пусть слабую, но существенную возможность рождения еще одного гражданина или гражданки. Впрочем, это теперь происходило очень редко даже в тюрьмах, где, казалось бы, ничем больше и заниматься нет возможности.

Я включил свой телевизор. В такую рань он принимал только оды Сапегову. Что ж, этот негодяй сумел укрепиться и даже создал некую культовую подпорку своей власти. Это никогда не лишне, хотя и глупо – кто же верит тому, что глаголит государственный телеканал? Все ловят то, что говорят соседи... Разумеется, из тех, кто хочет разобраться, а не просто оболваниться.

Голубоглазая дикторша отменных пропорций после очередного захлеба по поводу «отца всех свободных людей нашей многострадальной земли» мельком сообщила дату. Второе апреля 2205 года, значит, в этой тюрьме я сидел уже четыре месяца. И никто не торопился приводить в исполнение приговор, значит, кто-то про меня этому харьковскому придурку что-то да нашептал. Например, что приговор – одно, а исполнение – совсем другое. Ну, что же, и на том спасибо.

Конечно, париться в камере тоже не великий подарок, но это и не лишение тела. А если уж на то пошло, то я и сам мог о себе позаботиться. Вот только одна сложность – из этой тюрьмы еще никто не бежал. Пытались многие, но удача не улыбнулась ни одному, так сказать, из дерзких и решительных. Я сомневался, конечно, что за это дело брался хоть один солдат Штефана, но в целом это на статистику не влияло.

Еще одна сложность заключалась в том, что весь этот блок политических просматривался ментатом весьма значительной силы. И не по расписанию, не время от времени, а всегда. Стоило только напрячь мозговые извилины, даже не медитируя, а просто решая шахматную композицию, как тут же невесть откуда возникало малозаметное, но вполне ощутимое для телепатов давление – а кто это у нас такой умный и чем он тут занимается?

До сих пор мне удавалось избежать идентификации как телепата. Иначе меня никогда не сунули бы в этот блок, а попытались выжечь эту способность. А она мне еще понадобится, в этом я был уверен.

Необходимость постоянно следить за собой, не телепатировать на прием и тем более на изучение окружающего пространства, и повлияла на ту драку у уголовников. Если бы я знал, что не попадусь, я бы их усмирил одним внушением и они бы ничего не почувствовали... Нет, все-таки я сделал все правильно, раскрываться до конца нельзя. В моем положении маскировка – единственная защита.

Новости, которые стала перечислять голубоглазая, оказались мелкими, скучными, поэтому свой аппаратик я выключил. С этим телевизором – сплошная морока. Как-то на прогулке муж из семейной пары подошел ко мне и предложил менять время от времени свою жену на этот телевизор. То есть от прогулки до прогулки. Не сомневаюсь, что половина других местных сидельцев согласилась бы, не задумываясь. Но я был солдатом Штефана, для меня усмирить любой гормональный порыв проще, чем сдать мочу на анализ, поэтому я отказался. Главным образом, из жалости к этой женщине. Ее и так сдавали в наем так часто, что она потеряла счет любовникам. Зато, как это называлось в местных протоколах, все происходило без насилия.

Вообще-то, в тех тюрьмах, где этот принцип проводится разумно, где сидельцы находятся в правильном соотношении, все в самом деле выглядит неплохо. Девицы пользуются не только спросом, но и авторитетом, почти всегда сами выбирают себе партнеров, если хотят гульнуть от мужа на сторону, иногда рожают, и нет ни тени издевательств, которые продиктованы именно неустойчивостью психики от чрезмерных воздержаний. Но когда на необъятных землях бывшей Российской империи хоть что-то делалось разумно? У нас было еще три девицы на весь блок, охранять их от мужиков приходилось силой, и не потому, что это считалось аморальным, а чтобы получать соответствующий навар...

Наверху всхрипнул и заворочался мой сокамерник. До того как его посадили, он являлся главой какого-то тутошнего профсоюза. Разумеется, сначала ему впаляли уголовную статью, потом решили, что этого мало, и перестарались – добились пересмотра, окончившегося политикой. Так он оказался тут.

Сейчас, в относительно спокойном окружении, он отсыпался, отъедался и малопомалу приходил в чувство. Я вообще-то не люблю профсоюзников, почти все из них законченные бандиты. Только орут на митингах или где-нибудь еще, якобы не только за себя, а еще и за других обиженных и угнетенных, им постоянно высокие мотивы подавай. А на деле...

Впрочем, этот был ничего. Я то и дело без всяких телепатических трюков исследовал его ауру. Если делать это квазиконтактным образом, то есть погружать в его ауру натренированные руки, то можно не только составить внешнюю метрику тела, что необходимо для метаморфии под объект, но и узнать общий уровень развития и строй личности.

Здесь нужно кое-что пояснить. Все эти штучки из детективных телепрограмм, когда некий суперсыщик может только пару минут посмотреть на любого человека, и тут же давай перетекать в его личину, – полный бред. Для того чтобы составить очень похожую, хотя и не абсолютную метаморфную копию другого человека, мне нужно часа полтора, а если я в плохой форме, то и до четырех доходит. Абсолютную личину я вообще составить не смогу, всегда найдутся какие-то детали, которые трудно повторить, как говорят искусные метаморфы, «след в след». Потому что это болезненно, потому что исходный костяк иной, потому что генокод разный – да мало ли причин?

И кроме того, нужно не просто смотреть на исходную личность, то есть прототип, а общупать ее как следует руками. Причем в этом, в отличие опять же от всех телеопер, нет ни грана эротики. Это работа не менее трудная и грязная, чем класть битумную дорогу в жару или купаться в нижнем течении какой-нибудь из великих русских рек, например в Оке. Только это «проглаживание» позволяет создать план того, что и как нужно делать со своими мускулами лица, шеи, рук, что делать с пластикой, цветом волос, глаз, кожи, в какую сторону менять психику, какие мысли обозначать как доминантные, какую информацию от прототипа нужно усвоить обязательно, а какую игнорировать.

Кстати, о мышлении. Я не встречал ни одной постановки, где бы изменение личины сопровождалось усвоением информации. А это так же необходимо, как любые другие маскировки. В противном случае, например, стоит встретить хорошего друга прототипа – и каюк. Все слышали про автоликию, и тебя расколят, как гнилой орех.

И все-таки, несмотря на сложности, я решил, что знать внешность этого парня будет нелишним, а поскольку времени было вагон, то постарался от души. Пока он спал, я так его проштудировал, что мог отметаморфить – родная мама не сразу заметила бы подделку. И конечно, я в досталь покопался в его коре. На запрограммированного стукача он похож не был, но какой-то участок коры был так заблокирован, что мне даже страшно за него сделалось. Он ведь был обычным человеком, не очень даже выносливым от природы, а его так приложили.

Звали его Генкой, а в просторечии Джинном. За то, конечно, что был он негром. Я не очень люблю негров, должно быть потому, что после Великого Потепления они из своей

Африки так ломанулись куда ни попадя, что даже к нам в Московию прорвались. А тут, на Украине, их вообще – как в Европе. Впрочем, вынужден признать, без негров и Московия, и Украина, и другие Русские государства совсем обезлюдели бы. Таких государей бог посылал последние три века, что народ вовсе перестал плодиться.

Но я и хохлов не люблю. Эти оттяпали у нас Крым, Донбасс, среднее течение Дона, половину Ставрополя, подбирались к Волгограду... Но там уже другой коленкор, там Волжская Конфедерация, а с ней даже авантюристы из Киева не решаются связываться. Конечно, хохлы всегда говорили и продолжают говорить, что это их территории, но я не верю. По тем историческим данным, что заложены в мою голову, все как раз наоборот, это они – наша историческая территория. Впрочем, сейчас все так перемешалось...

Джин, как и Сапегов, – полосатый негр. Это такой последний писк моды, когда в результате какой-то операции, не знаю, какой именно, тело парню разрисовывают белыми с черным полосками. Почему-то, как говорят, полоски легко навести мужикам, а вот красивые черно-серые пятна получаются только у девиц. И то, если есть какая-то там склонность.

Интересно, смогу я имитировать эти полоски в полноцветном качестве? Может, усыпить сокамерника и как-нибудь до обхода тюремщиков попробовать? Нет, решил я, это будет типичная тюремная паранойя – делать что-нибудь, только чтобы делать. Я был солдатом Штефана и просидел всего ничего. До настоящей паранойи мне было еще далеко.

Впрочем, кажется, мысли мои уже стали терять связность и последовательность.

8

Проснулся я от кошмара. Вообще-то управлять сознанием во сне не сложнее, чем пользоваться ложкой, но в нынешнего человека столько понапихано, так часто каждого из нас, даже нормального, а не заключенного, промывали на ментоскопе, что никто уже и представить не берется, что там есть. А потому иногда вся эта гадость прорывается и бьет тебя дрожью, заливая холодным потом, окатывает ужасом, от которого, кажется, вот-вот остановится сердце. Или даже начинаешь хотеть, чтобы оно остановилось, лишь бы все это прекратилось.

Сам кошмар я, конечно, выкинул из сознания почти сразу, и очень успешно. Но тоскливое ощущение чего-то необычного, что готово ворваться в мою жизнь, не проходило. Разумеется, есть ребята, которые умеют отменно предугадывать события или искажают причинно-следственные связи таким образом, что им выпадает наименьшая степень испытания или вовсе прет одно счастье, но я не из них.

Я провернул утренний туалет, даже зачем-то побрился, потом снова улегся на койку. Джин спал, как всегда, едва дыша. Если он хотел выспать свои неудачи, то их накопилось немало, и были они тяжелы. Лампочка из коридора давала достаточно сумеречного, но необходимого света. Я раскрыл свой телик, пощелкал тумблерами, не столько даже надеясь поймать канал, идущий от соседних, не только харьковских передатчиков, сколько подготавливая себя к тому, что в конечном итоге остановлюсь на круглосуточной волне нашего Сапегова. Якобы у меня был выбор, и мне оставалось только, как свободному человеку, вывить свое желание. Это была еще одна защитная реакция, появившаяся тут.

Сначала показывали ручьи, потом прошла быстрая передача о видах весенних красот с флаера. Вид был не очень, лес стоял, как редкая щетина, поля даже издали казались грязными, а отдельные домишки представлялись такими беззащитными, что хотелось накрыть их чем-нибудь металлическим, например кастрюлей. Наконец привычно-знакомая красotka в соблазнительном, по мнению этих харьковчан, виде начала читать новости.

Какой-то оппозиционер из хохлов опять высказался за Сапегова, но враждебный представитель Киева откомментировал, что войны не будет. Чтобы понять связь между этими репортажами, следовало знать предысторию, я не знал и не заинтересовался. Потом стали говорить, что голод Харьковщине не грозит, потому что дрожжевые чаны дают достаточное количество зимовила, чтобы даже самых неимущих наградить продуктовыми карточками. Если зимовила полно – зачем карточки, захотелось мне спросить кого-нибудь, но никто не подвернулся. Потом бодро показали какую-то дамбу. Весенние паводки оказались в этом году выше обычного, старые сооружения смыло, на ликвидацию аварии брошены силы тех, кем общество может, не задумываясь, пожертвовать.

Это было понятно – дамбы, уголовники или даже мы – политические. Непонятно, почему в кадр не влез ни один экскаватор, ни один ленточный транспортер, почему не было видно даже шагоходов? Значит, дело плохо, людей мало, техника не проходит, таскать гравий и песок нужно чуть не вручную. И это настолько опасно, что решили на дополнительную оплату за риск не разорятся.

Так и оказалось. Построение этим утром было всеобщим, до завтрака, охрана посильнее обычного раза в три. Простояв почти час, мы удостоились лицезреть крохотную, весом килограммов в сорок, старушку с совершенно седыми волосами. Не нужно быть сыщиком, чтобы понять, что мы видим одного из вышедших в тираж космопроходцев, их программировали такими мелкими, чтобы не таскать в ракетах чрезмерные запасы кислорода, воды, пищи и усложненные системы жизнеобеспечения. А перегрузки они выдерживали за счет специальных скафандров, силовых полей и гравитационных компенсаторов.

Старушка побродила между нами, пощелкала по ноге хлыстовым парализатором. Подумала, потом голосом высоким, как у летучей мыши, спросила, кто из нас умеет обращаться с шагоходным погрузчиком. Могла бы не спрашивать, при допросах на ментоскопе все выяснили, и не только это, к сожалению.

В общем, она оказалась не совсем тюремщицей, хотя и привыкла работать с такими отпетыми негодяями, как бывшие политические головорезы. А впрочем, зря я иронизировал, космос есть космос, люди, которым удавалось там выжить, возможно, видели такое, что не боялись не только нас, но вообще отучались испытывать какой-либо страх.

Так или иначе, тех, кто действительно был годен для этой работы, вытолкали по списку, который зачитал диктор по громкой связи, и нас погрузили в автофургон. Ехали мы часа два, не больше. Потом вылезли.

Двор, огороженный колючей проволокой, три стальные переносные вышки, которые можно разобрать и переставить на новое место. При всей внешней хрупкости, они выдерживают осаду, как хороший укрепрайон, не только со стрелковым оружием, но с вполне серьезной, тяжелой техникой. Потом нам показали шагоходы.

Их выдумали лет двести назад и до сих пор лепили почти в неизменном виде. Это такая прямошагающая штука, с металлическими лапами, вытянутыми вперед, способная удерживать на весу тонн по семь, переносить тонны по три, и вполне послушная оператору. Ему полагается вставать в центр условного брюха, присоединяться к ножным манипуляторам, надевать на запястья и кисти ручные манипуляторы и регулировать голосом некоторые простейшие механические функции. Считалось, что на этой бандуре в пять метров ростом и почти десяти тонн весом можно пройти по болотам, благодаря особым растопыренным ногам, можно вскарабкаться на гору, применяя встроенные лебедки, а при некотором умении не помять банку с колой, если тебе нужно утолить жажду, но свои руки вытаскивать из манипуляторов лень.

На самом деле, мастеров, которые исполняют подобные трюки, очень мало. Обычные операторы, вроде меня, умеют шагать, носить, не падать на кочках и даже не всегда знают, какие силовые характеристики в твоей машине остались после нескольких часов работы.

Нас поодиночке загнали в погрузчики, а потом сделали такое, что даже издававшие виды уголовники занервничали. Каждого из нас пристегнули к машине уже известным мне кандалным устройством у рук и ног, но вдобавок обхватили широким цепным зажимом в поясе. Потом мы отправились на дамбу.

Охрана была всюду, куда только не «упадал» мой взгляд, — кажется, так иногда выражались харьковские стилисты в литературных телепередачах. Особенно подобные штучки любили типы, заботящиеся о чистоте языка и протестующие против его замусоривания неметчиной, англицизмами и типичными московскими оборотами.

Их было действительно очень много. Я даже подумал, если бы этим бугаям, из которых почти все были силовыми мутантами по триста килограммов весом, вместо доспехов вручили тачки или хотя бы корзины с землей — дело пошло бы быстрее. Но тогда, не исключено, некоторые из нас попытались бы удрать. Ведь от свободы, такой близкой и почти доступной, нас отделяли только кандалы...

Потом мы увидели дамбу, и я удивился, почему отсюда не бегут даже охранники. Зато стало понятно, почему сюда притащили нас.

Дамба оказалась практически разрушенной. Широкая дыра в десяток метров шириной, через которую перетекал поток, больше всего напоминавший речку. Но помимо того, что к югу от дыры тянулось водохранилище глубиной метров двадцать, а с другой стороны имелось столько же метров пустого пространства, что обещало нескучное, но безусловно смертельное падение на острые камни, на подходах к этой дыре качались, словно гнилые зубы,

еще два широких участка дамбы. По ним не то что на шагоходах, по ним пешком пройти было страшно. А использование какой-либо техники вообще обещало немедленную смерть.

И все-таки мы пошли. По очереди, как игроки в русскую рулетку, мы носили бетонные шпалы, пытаясь забить ими дыру, считая каждый поход туда лишь временной отсрочкой. Так и случилось ближе к вечеру, когда до конца смены, как нам обещали, осталось часа два.

Сорвался молоденький, лет двадцати паренек. Ближний к дыре участок дамбы закачался, один его край обсыпался, как будто построенный из песка, и шагоход скатился в ледяную, раннеапрельскую воду водохранилища. Парень даже не пытался высвободить руки и ноги из манипуляторов, они-то почти не держали, выбраться из шагохода было несложно и недолго. Кандалы – вот была причина его смерти. Прикованный к машине, зная, что помогать ему никто не будет, паренек даже не пискнул, ушел под воду и быстро, чтобы не мучиться, выдохнул воздух из легких. А может, он был даже рад такому повороту событий.

Охранники тут же забегали, откуда-то вытащили тягач, запустили вниз, под воду, добровольца в аквастате, и через четверть часа шагоход уже выволокли на дамбу, как игрушечного робота на веревочке. Заключение висел в манипуляторах и погубивших его стальных петлях, как безвольная груда тряпья. Его вытащили, отложили в сторону, чтобы составить акт, а машину отправили на дозаправку. Пребывание в воде существенно разрядило аккумуляторы.

Потом мы передали машины ночной смене таких же бедолаг, нас построили, сковали по двое и отвели в барак, устроенный в центре площадки с вышками. Как ни хотелось есть, как ни были мы измучены непривычной работой и страхом неожиданной, бессмысленной гибели, я все-таки нет-нет да и осматривался по сторонам.

Собственно, шансов сбежать было немного, но больше, чем в тюрьме. Вот только нужно было действовать согласованно и как минимум из двух точек. Надежд, что Джин поможет, было мало, он был скверный солдат. Я знал это наверняка, ведь познакомился с ним во время манипуляций с его аурой, будто мы дружили с рождения.

Потом нам выдали ужин. А двое самых забитых заключенных сходили куда-то, притащили надувные матрасы, раскидали их прямо по сырой, весенней земле, разложили грязнейшие, вшивые спальники, разумеется, без намека на гигиенические вкладыши, и нам скормили отбой.

Когда стало совсем темно и тихо, я решился и быстро, так что и сам это едва заметил, выбросил телепатический щуп, стараясь понять, следят ли за нами ментаты? Ничего не понял, попробовал еще раз, чуть дальше. Снова ничего, значит, мой план можно было выдавать и простому человеку, который не умел создавать ментальные маскировки, не умел прятать задуманное, а умел только явственно и отчетливо соображать на заданную тему.

– Джин, ты драться умеешь?

Мой шепот, хотя он прозвучал очень невнятно, показался мне самому едва ли не колокольным звоном.

– Нет, а что?

– Отсюда можно удрать.

– Не верю. Ты откуда-нибудь уже убегал?

– Только на полигоне. Но я и не попадался.

– Тебя учили удирать из таких тюрем?

– Это не тюрьма, из тюрьмы бежать сложно. Отсюда – возможно.

Он перевернулся на спину, посмотрел в низкий, темный потолок. При желании его мысли можно было бы прочитать, будто он их высвечивал фонариком в темноте, как в старых кинотеатрах высвечивали кино.

– Хорошо, попробуем. Но если меня... – Он замялся. Если бы не его заблокированный участок сознания, я был бы спокоен. А сейчас даже слегка разволновался, что и как он скажет? – Если меня убьют, обещаю, что отомстишь.

– Как и кому? – Я подумал, может, стоило влезть в закрытый участок его сознания и все выяснить? Нет, у него будет ментальный шок, а завтра он мне нужен боеспособным, как хорошая бомба.

Вероятно, мой вопрос показался ему глупым, он даже поморщился.

– Нужно завалить Сапегова.

Собственно, затем меня сюда и прислали. Но дело провалилось, и хотя сначала харьковчане пылали деланной, показной ненавистью, сейчас отношение ко мне ощутимо менялось. Тем, кто не прошел курса подготовки, это было трудно объяснить, но я-то видел, что через пару лет меня вообще могли по обмену вернуть в родную Контору.

Хотя, конечно, могли и не вернуть. Могли сделать все, что пожелают, например, попросить харьковчан ликвидировать меня при попытке к бегству, чтобы кого-то наверху не мучила совесть. А потому удирать, если была возможность, все-таки следовало.

– Клянусь.

Должно быть, я увлекся и начал говорить чересчур громко. Или это слово не умел произносить шепотом, в общем, из какого-то угла кто-то заорал, как резаный, чтобы мы трахались потише. Это привело меня в большее соответствие с действительностью. Очень тихо, чтобы никто, кроме Джина, не расслышал меня, я объяснил, что и как нужно делать. Джин испугался, а потом и вовсе попробовал отнекиваться. Тогда, пользуясь тем, что столько раз работал с ним пассивно, я сделал ему легкое внушение. Это не был какой-то ломовой приказ пойти и погибнуть или освободиться. На такие вещи люди трусоватые реагируют по-разному, он, наоборот, мог вскочить, побежать к охране и выдать меня. Я просто усилил его веру в успех, и он заснул почти довольный.

Я не спал гораздо дольше. Джин мог ошибиться и мог даже погибнуть. Мне же не хотелось ошибаться и тем более погибать. Это было бы совсем не по-штефански.

9

Сигнал Джину я подал незадолго до обеда. Как бы мне хотелось попробовать, просчитать время, убедиться, что все реально и выполнимо, может быть, даже потренировать роли и исполнение... Но пробовать тут не годилось, следовало действовать или ждать. Ждать я уже не мог, почему-то мне казалось, чем дольше я проваландаюсь, тем меньше у меня будет способность к сопротивлению. Ресурс времени тоже следовало учитывать.

Почти все время мы подсыпали железобетонные блоки и крупный, самоцементирующийся гравий с наполнителем в ближайшую из промоин и добились некоторого результата. Такого, что один из охранников подошел к самому началу дамбы и остановился почти в трехстах метрах от остальных, и к тому же в довольно закрытой зоне. А это значило, что очень быстро остальная охрана в происходящем не разберется.

Этот парень был из молодых, скорее всего, очень старательный. Он и вчера всюду совал свой нос, везде поглядывал, очень любил покомандовать. Особой жестокостью не отличался, но действовал ретиво, а это сейчас меня бесило больше всего.

На нем сверкали темные, не бросающиеся в глаза доспехи, и это тоже работало в нашу пользу, быстро отыскать его не сумели бы даже вооруженные инфракрасными очками наблюдатели, тем более что на самом деле такой сложной техники тут ни у кого не было, она просто не нужна. К сожалению, доспехи оказались мощными, легко их не продавишь. Но они и весили сотню килограммов, мне такие в жизни не поднять, так что очень уж резво этот парень бежать не сумеет.

Я вообще не понимал увлечения наших охранников тяжелыми, очень жесткими доспехами. От кого они в них прятались, от безоружных заключенных? Но заключенным полагается бегать, то есть маневренность, легкость на ноги для них гораздо важнее, чем личная безопасность... Но так уж у харьковчан повелось, и не мне было протестовать. Наоборот, я был им втайне благодарен за то, что они вообще не вылезали из своих личных броневикулов.

Правда, было одно соображение, которое как бы обосновывало эту тяжесть – на правую конечность половина наших охранников наглухо примонтировала скорострельные пулеметы системы Штольца-Гатлинга. Это были довольно мощные девятимиллиметровки, с поворотными стволами, со скорострельностью от одиночных до 1200 в минуту. Они могли бить и разрывными, но, кажется, разрывными охранников все-таки не снабжали, считалось, что это не оправдано. Отдача во время полной очереди возрастала до полутонны, а это значило, как бы сильны ни были наши мутанты, только в усиленных доспехах, в которых следовало упереться как следует в землю, и можно палить.

Левая клешня у выбранного нами охранника была пустая, он оставлял ее, чтобы выкурить сигару или глотнуть из фляжки чего-нибудь подкрепляющего дух и тело. Еще он мог доставать ею четырехствольный стандартный гранатомет из кобуры у плеча. Эта штука была очень похожа на большой четырехствольный пистолет тех времен, когда еще не изобрели револьвер, только эти сорокамиллиметровые гранаты пробивали даже те доспехи, которые носили охранники. Ясно было, что эта пушка предназначалась как раз для тех вертухаев, которые вздумают помогать бежать кому-либо из заключенных. А вот это мне уже нравилось, потому что эта штука могла не только остановить мнимого предателя, но и справиться с остальными.

С остальными обстояло вот как. На пригорке, где охранники обычно держали главных наблюдателей, стояло еще трое. Это были довольно беспечные ребята, и к тому же они находились чересчур далеко. Чтобы спуститься по откосу, требовалось время, к тому же я сомневался, что они все призовые стрелки.

На технической площадочке перед тем местом, где мы загружались бетонными блоками, стояли еще двое. Один – очень странного вида, но у меня не получилось к нему приглядеться как следует, а второй – я понял это, едва мы начали работать, – был заколот до одури и время от времени добавлял к прежним дозам новые порции. Это был еще один фактор удачи, который я решил использовать. Конечно, я не знаю, сыграет ли наркота в жилах нашего охранника свою роль, но очень на это надеялся.

Итак, незадолго до обеда я, следуя за Джином метрах в сорока, демонстративно опустил плечи. Этот трюк я подсмотрел вчера. Оказалось, что пластика очень уставшего человека начинает сказываться на движениях шагателей, они как бы нетвердо держатся в поясе, не до конца выпрямляют «ноги», и слишком низко опускают «руки», так, что это даже мешает им идти. Вот такого предельно заморенного работягу я и изобразил.

А это значило, что Джин должен изобразить совсем одуревшего от жары или усталости лопуха, который, вместо того чтобы идти в общей цепочке, попытается сачкануть прямо под носом охранника. Психологически это было слабым обоснованием, но я надеялся, что сразу наш самый старательный контролер стрелять не станет.

Попутно я начал перетекать. Выскользнуть из поясного зажима, да еще на ходу – это не из свободных кандалчиков на кровати руки вынуть. При желании руки и ноги мог вытащить даже приличный уголовник, который умел кости из сустава вынимать и терпеть при этом боль. А вот вытиснуть через жесткую подпругу свой таз, который, как известно, вынимать не из чего, потому что именно к нему остальные кости и прикрепляются в нашем организме, – это было проблемой.

Поэтому все утро я размягчал боковые оконечности бедер, и это было еще одним фактором, заставившим нас с Джином не торопиться.

Вообще-то, размягчать кости – очень трудно и больно. Но я постарался как следует. Когда я выдернул на ровном участочке, изобразив полное истощение, ноги из ножных манипуляторов шагателя, а потом подтянулся на руках, бедра прошли в стальное, застегнутое на замок кольцо, как миленькие. Правда, когда я сдвинул сам зажим и попытался вернуть ноги в манипуляторы, чтобы идти дальше, мне пришлось почти минуту бороться с темнотой перед глазами. Уж очень болезненно все это оказалось.

Но мне нужно было справиться, и более того, очень скоро мне предстояло бежать, да еще как. Поэтому я срочно, как только мог, начал уплотнять свои кости, надеясь, если что-то получится не так, исправить ошибки позже. Но, в общем, это и не очень было нужно. Потому что я уже не успевал.

Джин, покачиваясь, как пьяный, свалил свои блоки на том участке, где они были уже и не нужны. Наш проницательный охранник тут же принялся что-то орать на него через свой матюгальник. Джин задрожал, его рожа стала почти серой за прозрачным забралом шагателя, он очень был похож на испуганного дурачка в этот момент... Он в самом деле испугался, потому что сейчас должен был или освободиться, или умереть. Но охранник думал иначе. Он продолжал орать и сделал непонятный жест.

Джин изобразил, что понял этот жест, как приказ подойти, поднял по инструкции «руки» вверх, сложил «пальцы» воедино, чтобы не напасть на охранника, например, сдавив ему конечность или пушку, и зашагал вперед. Я находился с другой стороны вертухая метрах в тридцати. Это значило, что бежать мне придется совсем немного. По крайней мере сейчас, чтобы раздобыть себе оружие.

Охранник опять закричал и сделал жест, требуя, чтобы Джин валил дальше, работал, как все. Но это не входило в наши планы. Поэтому Джин что-то захныкал, сделал вид, что суется, разумеется, так и не опуская свои стальные клешни, и подошел к охраннику еще на пяток метров.

Это было уже трудно выдержать вертухайской натуре. Наш паренек в доспехах скакнул вперед, оказался в паре метров от Джина и хлестнул его легким электрическим разрядом. Это было не опасно, стальная конструкция работала как громоотвод, но психологически вполне срабатывало. Вот только Джин, вместо того чтобы занять и удрать в цепочку работяг, опустил на плечи начальника одну из своих клешней. И попытался, так что даже сервомоторы взвыли от нагрузки, вдавить его в землю.

Распускать «пальцы» было слишком долго, парень успел бы выстрелить. А вот так надавить сверху, когда «руки» были уже заранее подняты, оказалось делом быстрым. Джин это понимал не хуже меня и старался изо всех сил.

А я тем временем выдергивался из манипуляторов так, что даже кожу сдирал на костях. Потому что теперь действовать предстояло мне.

10

Пробежать мне нужно было метров сорок или чуть больше. Но если кто-то попробует сказать, что это ерунда, я, не задумываясь, пушу в ход кулаки. Эти сорок метров на размягченных костях были едва ли не самыми трудными в моей жизни, а меня немало погоняли инструкторы самой разной квалификации, из которых были и отъявленные садисты, — я знаю, что говорю.

Так или иначе, когда Джин опустил свою «руку» на голову или плечи охранника и надавил так, что почти вогнал его в землю, я выскочил из своей машины и рванул вперед. Я почти добежал, когда вертухай ударил из своего пулемета. Разумеется, под таким прессом повернуться к Джину он не сумел, а так как пулемет был приварен к его руке намертво, он не попал, но очередь привлекла к нам внимание. И я почувствовал, скорее даже кожей, чем мозгами, что потекли какие-то миллисекунды, за которые я должен успеть победить, или они станут последними в моей жизни.

Именно это понимание времени всегда делало меня очень быстрым. Или я путаю — именно возможность включить ненормальную для обычного человека скорость позволяла мне ощутить каждое из мгновений с особой ясностью и совершенством?.. Например, несмотря на боль, когда я бежал, мне очень явственно пришло в голову, что нормальный человек от такого давления давно сломался бы в поясе, но мутанты такие крепкие, что даже этот, не самый силовой из них, несколько тонн вполне выдерживал. К тому же доспехи так устроены, что они в целом изрядно укрепляют позвоночник, и он даже не согнулся в борьбе с Джином.

Цепочки заключенных начали разбегаться кто куда, увеличивая суету и привлекая к себе внимание остальных охранников. Поэтому выдернуть гранатомет было несложно. Охранник и сам, кажется, смотрел не в мою сторону, и все вышло довольно легко.

Когда оружие оказалось у меня в руках, лапища вертухая, закованная в латную перчатку, скользнула мимо, к уже пустой кобуре, должно быть, он что-то почувствовал. Но он промахнулся, и это меня порадовало — как ни был я слаб и размягчен, а все-таки опередил его. Прежде чем охранник понял, что происходит, я отбежал вбок, чтобы Джин не оказался на линии огня, и разумеется, чтобы самому не попасть под огонь вертухайского пулемета, прицелился в район чуть более слабой, подмышечной брони и надавил на гашетку первого ствола.

Ударная волна оказалась сильнее, чем я ожидал. Она отшвырнула меня на пяток метров... Зато когда я поднялся, все было, кажется, в порядке. От ретивого служаки осталась лишь нижняя часть туловища, верхняя же просто разлетелась на кусочки, превратив его в подобие вазы, от которой осталась только половина. К тому же самая ценная, потому что именно на этой нижней половине находились ключи от поясного замка Джина.

Пулемет уже не стрелял, наступила какая-то почти неестественная тишина... Вернее, конечно, где-то на холме орали матюгальники других охранников, в другой стороне голосили разбегающиеся заключенные, но поблизости не оказалось ни одного источника шума. Или я немного оглох?

Я сорвал с пояса мертвого охранника ключ от замка и, прицелившись чуть лучше, чем обычно, бросил его Джину. Тот уже ждал, он вытащил свои руки из манипуляторов и смотрел на меня бледный, но еще более решительный, чем прежде. Правда, губы у него тряслись, белые полосы почти слились с черными, а в глазах читалась мольба не промахнуться. Но я тоже опасался, что он может промахнуться, и потому все окончилось удачно, он поймал ключ, я успел ему крикнуть:

— Захвати его, еще кого-нибудь раскуем!

У меня никого не было на примете, я просто выполнял инструкцию, рекомендующую организовать побег как можно большему числу заключенных, потому что тогда легче уходить от преследователей. Джин кивнул, он не знал деталей, но соглашался выполнять мои предложения.

Потом я рванул к площадке, где находились машины, где мы нагружались материалом для дамбы и где еще двое охранников старались уразуметь происходящее.

Вообще-то, как только я вылетел на открытое пространство, я оказался под прицелом пулеметов тех ребят, которые торчали на холме. Но я бежал вперед, ощущая тугую боль в ногах, стиснув зубы, чтобы не орать во время бега, хотя мог бы и орать – никто меня не слышал... Я бежал, а в меня так и не стреляли.

Лишь когда я преодолел почти треть тех трехсот метров, что отделяли меня от машины, я понял, что в голове вертухаев просто не укладывается, что один из заключенных может освободиться от поясного зажима, и потому они не рисковали стрелять, побаиваясь попасть в кого-нибудь из персонала или даже в своего приятеля без доспехов.

Но все хорошее всегда кончается. Должно быть, кому-то из этих козлов пришло в голову, что ни один из их вертухайской команды не может оказаться тут без доспехов, что обслуга дамбы должна носить яркую желтую форму и что никто, кроме как заключенный, не будет убегать так быстро в нужном направлении – к машинам. И тогда сверху ударил один из пулеметов. Его очередь прошла всего в полуметре от меня, мелкие камешки довольно противно обдали мои ноги, и я даже покатился по земле.

Оказавшись в какой-то ямке, я уразумел, что она вовсе не прятала меня от всех опасностей мира, но каким-то образом скрыла от того бугая, который пер мне наперерез. Я пригляделся и глазам своим не поверил. Это был тот самый заколотый охранник, который, переваливаясь, как линкор во время шторма, поднимая тучу пыли, неся к основанию дамбы, то и дело постреливая в воздух, должно быть, себе в поддержку. В своем затыкнутом наркотой представлении он казался себе очень воинственным и неуязвимым.

Я думал иначе. Он находился уже метрах в тридцати от меня, да еще чуть сбоку, когда я поднялся на ноги. Но поднявшись, тут же присел в эдакий шпагат, подложив под себя правую ногу, согнутую в колене, а левую вытянул назад для лучшей опоры. Эта позиция обеспечивала человеку наивысшую устойчивость при выстреле. Обеими руками я стиснул гранатомет, поймал в прицел заколотого и выстрелил.

Он тоже выстрелил, но чуть раньше, чем следовало, потому что не успел повернуться ко мне, и очередь из его пулемета легла правее, метрах в десяти. Но с другой стороны, если бы он стал ждать и довернулся до конца, он вообще бы не успел выстрелить, потому что мгновение спустя, когда я поднялся с земли, снова отброшенный отдачей, он уже лежал неопрятной кучей на земле и горел, как дымный, сыроватый костер.

Я снова рванул вперед и чуть вбок, пребывая в твердой уверенности, что для этих тугодумных мутантов все творится слишком быстро. Они еще несколько секунд будут рассматривать горящего приятеля, и даже если не захотят скорбеть по нему, то по крайней мере припомнят его имя. А эти секунды я собирался использовать на всю катушку.

Конечно, в идеальную позицию – с обратной от охранников стороны сваленных в кучу бетонных блоков – мне прорваться не удалось, через пару секунд снова кто-то полосовал рядом со мной воздух из пулемета, но до последнего из охранников на площадке с машинами мне осталось метров семьдесят. А это для моей пушки все равно подходило.

Я прицелился в него, но что-то помешало мне выстрелить. И я ждал, медлил, разглядывая своего противника через прицел, пока не пришла пора сматываться от очередей, которые с холма исхлестали все пространство, где, по идее моих противников, я должен был находиться.

Дело было в том, что этот парень не торопился. Он не очень спешно подкатил к краю охраняемой площадки, выдвинул какой-то из прицелов, разглядывая своего заколотого, а теперь погибшего приятеля, постоял, словно пожалел, что они так и не доиграли партию в нарды или наоборот, порадовавшись, что теперь не придется отдавать грошовый должок за выпивку, убрал оптику на затылок, а потом принялся крутить головой, оценивая ситуацию и высматривая меня.

Это было не просто тупоумие, это была какая-то невероятная, невиданная уверенность в своей силе, и настолько убедительная, что требовала внимания. По крайней мере, стрелять с бухты-барахты в него мне расхотелось. Я стал присматриваться, раздумывать и оценивать его всерьез.

Это и в самом деле был огромный мутант, таких я прежде не видел. В нем было килограммов под пятьсот живого веса, а в доспехах он выглядел просто как динозавр, которому ничто не может бросить вызов. Даже стандартное оружие в его лапах казалось игрушечным, и что странно, пулемет Гатлинга у него не был приторочен намертво, а держался в специальных скобах, и снизу торчала даже прямоугольная рукоять, которую он сжимал в кулаке, словно обычный автоматик. Доспехи у него были толщиной в пару сантиметров отменной стали, так что голова, имевшая почти нормальный размер, казалась крохотным пупырышком между могучими, невероятными плечами.

В общем, на него стоило посмотреть, но, налюбовавшись, я все-таки преодолел неуверенность, зашел слева, хотя чрезмерного преимущества мне это не давало, ведь он крутил своим пулеметом так же легко, как девицы крутят веер, поймал его на мушку и выстрелил. Удар в поясную пластину, поближе к его гранатомету, несомненно полному примерно таких же цацек, какой я в него пальнул, рассыпался таким взрывом, что даже я на расстоянии тридцати метров чуть не взлетел в воздух. Но когда пыль с дымом улеглась, я понял, что гранатомет так и не сдетонировал, а парень не только жив, но и собирается подняться на ноги, одновременно выискивая меня своим пулеметом.

Я нырнул за крохотный бугорок, прокатился, поднялся на ноги, пробежал метров сорок ближе к машинам, понял, что сейчас меня начнут загонять в ловушку огнем с холма, и сделал самую трудную вещь на свете – побежал назад. В бою возникает какая-то инерция, если ты только что убежал от чего-то или кого-то, то даже повернуться туда, откуда грозит опасность, очень трудно, а бежать от свободы и вовсе... Но я все-таки смог. И это оказалось правильно.

Парень уже собрался меня преследовать и пер вперед, мне наперерез, как лавина. Да только я за всей этой пылью, поднятой пулеметами с холма, да и его собственными упражнениями в пальбе, уже стоял метрах в двадцати от него и сбоку, что снова давало мне возможность прицелиться, не попав под его огонь... Отсюда, с такого расстояния, я увидел крохотный просвет между главной кирасой, сдвинутой первым взрывом, и стальными нагромождениями, закрывающими его пах и задницу. Дыра была всего-то в десяток сантиметров, ее и разглядеть без прицела было почти невозможно, но я разглядел – исключительно потому, что у меня остался всего один выстрел. Если бы я промахнулся, можно было бы сдаваться, поднимать руки и надеяться, что меня расстреляют сразу, а не будут мучить и издеваться.

Я прицелился, потом решил не рисковать, выровнял дыхание, успокоил руки, даже слегка расслабил кисти, хотя это грозило вывихом, и плавно, как в песне, нажал на гашетку. Выстрел на этот раз не отбросил меня назад, просто пустая четырехстволка унеслась за плечо, смазав меня по скуле так, что что-то хрустнуло перед ухом.

Но противник мой, который так и не понял, почему я вернулся, и даже не успел толком меня разглядеть, повалился на землю. Из развороченного бока у него коптило таким смрадом, что хотелось убежать не только из-за страха, но и от отвращения. Но у меня еще было к нему дело, поэтому я подскочил, уперся, чуть повернул его и попытался найти его гранатомет на поясе. Я нашел, но, во-первых, он придавил оружие своей тушей к земле так, что

мне ни в жизни его было не вытащить, а во-вторых, это была очень сложная, многозарядная барабанная система, и едва я это понял, пришлось засомневаться в своих силах – пользоваться этой бандурой я все равно не мог бы, не хватало силенок, веса и умения.

Теперь было понятно, почему гранаты в его пушке не детонировали, они были защищены от такой стандартной, в общем-то, хитрости, как стрельба по оружию, хотя это и потребовало дополнительного веса в амуниции. Я выпрямился, постоял еще миг, жалея, что остался безоружным, и взгляд мой встретился с его глазами, упертыми в меня из-за армированного, стеклопластового забрала.

Это может показаться невероятным, но он оставался спокойным, это был тип, клинически не способный волноваться. Тем не менее на этот раз он проиграл и очень удивлялся этому. Всего лишь удивлялся, но не злился и не боялся... Сумею ли я умереть так хладнокровно, подумал я и побежал дальше. Дел оставалось еще много, а я здорово задержался с этим парнем.

11

Может показаться, что все получилось классно, быстро и легко. На самом деле я припозднился. Я сообразил это, когда уже летел к площадке с машинами, и склонен был поздравить себя с успехом. Причин тому было несколько. Во-первых, охранники на холме наконец сообразили, что стрельбой тут не отделаешься, нужно браться за дело основательно, спускаться с холма и как-нибудь маневрировать. Но эти трое, как и остальные, были тяжелове-сами, бегали плохо, и пока их можно было в расчет не принимать. А во-вторых... Вот от этого второго у меня душа в пятки ушла, хотя я знал, что так может произойти, ожидал этого, и все-таки, когда стало ясно, что это произошло, чуть на зарыдал от огорчения.

Дело в том, что все транспортные средства, которые попадают на зону с заключенными, оборудуются довольно сложной автоматикой, препятствующей ее захвату. Вот и легковой мобильчик, к которому я летел сейчас, вдруг вычислил, что происходит нечто несанкционированное. А потому, кажется, даже без специального радиосигнала зафуркал, зарычал не совсем исправным движком и приготовился отвалить.

А именно на него у меня была главная надежда. Выйти из-под огня охранников – неплохо. Но следует еще удрать от средств обнаружения и преследования, всех этих автоматических «гончих», крылатых ракет, поисковых и наблюдающих орнитоптеров, вертушек с пушками на борту, блокирующих антигравов и всякой прочей электронно-военной нечисти. И сейчас единственная наша надежда должна была раствориться в пыли грунтовой харьковской дороги, чтобы я больше никогда ее не увидел.

Мотор мобиля потарахтел, потом деловито загудел. Я бежал уже так, что даже не ветер свистел в ушах, а визг в голове стоял, и все равно не успевал. Слишком я медлил, слишком неспешно и раздумчиво дрался, слишком легкомысленно отнесся к необходимости захватить транспорт.

И вдруг мотор мобиля взвыл, потом перешел в сумасшедший вой – но вой этот не удался! Выкатившись из-за кучи щебня, пытаюсь разом разобраться в том, что происходило, я затормозил. Причин торопиться больше не было.

Картина в самом деле стоила того, чтобы ее рассмотреть как шедевр. Мобиль выл, орал, работал, пытаюсь выполнить программу и удрать, но за задний бампер его удерживал еще один погрузчик. Старый, ободранный, едва функционирующий, кажется, из тех, что должен был снимать бетонные блоки с грузовиков.

И это надо же уметь так верно ориентироваться! Чуть не пустив слюни от благодарности, я спокойно, уже без рывков, хотя и не забывая про трех вертухаев, спускающихся с холма, подошел к мобилю, влез в него и попробовал выключить движок. Разумеется, он не выключался, пришлось соображать, что я сделал не так. Потом догадался и отключил автопилот. Движок заглох, команды удирать у него больше не было, вся тачка теперь могла управляться только водителем, как в старые времена шутили – прокладкой между баранкой и сиденьем.

Потом я обернулся к погрузчику, который придерживал мобиль. Между защитными рамами в нем стоял старик, а может, и не такой уж старик. Он смотрел на меня недоверчиво – удеру я без него, когда он отпустит бампер, или все-таки нет.

Что и говорить, среагировал он отменно, но это не значило, что он и дальше собирался мне верить. Его следовало успокоить.

– Опускай, я все равно буду приятеля ждать.

– А меня раскуешь?

Я вспомнил, что просил Джина не оставлять ключ от поясных замков. Интересно, что он с ним сделал? На всякий случай я кивнул.

– Ключ у приятеля.

– Вот когда он появится, освободит, тогда...

Его голос, повадка, движения были странно заторможенными. Словно я пустил пленку на видеониксе в замедленном режиме. Зато соображал он быстро. И надо же, пытался торговаться!

В общем, правильно. Хотя и бесполезно. Я мог выскочить из мобиля, открутить ему голову, как бы быстро она ни соображала, потом освободить машину и снова вернуться за баранку, но я не стал этого делать. Все равно Джин был где-то поблизости.

Помимо прочего, это прибавит ему доверия, а значит, и я, чем черт не шутит, смогу на него полагаться чуть больше... Хотя, нет, доверять нужно лишь в крайнем случае, если ничего другого не остается.

В общем, я отвернулся к рулю, потрогал всякие рычажки и кнопки, привыкая к управлению, а потом закинул руки за голову и откинулся на спинку сиденья. Находиться тут было хорошо, это было многообещающее состояние, это было самое отрадное положение, в каком я оказывался за последние полгода. Вот только нужно было еще чуть-чуть подождать.

Я и ждал. Кажется, ждал так долго, что даже решил закинуть телепатическую удочку, где находится мой напарник и куда именно в этот момент молотили охранники?.. Они разделились, один валил усмирять разбегающихся или топчущихся на месте заключенных. С теми скоростными характеристиками, которыми обладали их погрузчики, застегнутые в кандалы и не способные быстро думать, у них не было ни единого шанса. Второй из охранников рискнул спуститься по самому крутому месту холма и вывалился на поле перед дамбой, где я бился со всеми этими вертухаями, которые сейчас там уже догорали, и пытался найти меня между неровностями почвы. Он еще надеялся, что может меня перехватить – странные у него были представления о скорости моих перемещений. Тем более что он упустил уже не только меня, но и Джина. А вот третий был недалеко. И направлялся как раз в нашу сторону, определив по звуку, что мобиль так и не уехал с площадки.

Я стал соображать, как можно с ним справиться, но тут наконец-то из-за бетонных блоков появился Джин. Он едва шел, приволакивая за собой ногу, которую пытался даже переставлять руками. Его зацепило.

Я сорвался с водительского креслица, добежал, вытащил из окровавленных пальцев ключ, донес Джина, чтобы не ждать дольше необходимого, до мобиля и довольно невежливо швырнул его на заднее сиденье. Потом добрался до старика за манипуляторами погрузчика и сам, не дожидаясь, пока он поймет, в чем дело, отстегнул его браслеты и пояс.

И тут этот седой дурак, вместо того чтобы работать, действовать, убегать, принялся мне улыбаться... Вот на это у нас уже не оставалось времени. Я схватил его за плечо и попытался выволочь из погрузчика. Но он принялся мне объяснять:

– По-го... Ди... Я дол-жен мо-биль... отпус... тить....

Он говорил так, что становилось ясно, это никогда не кончится. Поэтому я просто обхватил его за талию, выдернул из манипуляторов так, что он чуть не завизжал от боли, быстро сунул руку в правую клешню, разжал «пальцы» подъемника, которые держали машину, выпрыгнул на землю и добежал до водительского креслица.

За все это время старик едва сделал три шага к машине. Я подождал еще немного.

Нет, мне показалось, это был не охранник, выходявший из облака белесой пыли, поднятой стрельбой, и какого-то дыма, неведь откуда взявшегося... Или все-таки охранник, третий, тот, что шел в нашу сторону? Но если это охранник, почему он не стреляет?

А седой только-только дополз до мобиля, взялся за ручку и поднял ногу. Он сидел на заднее сиденье рядом с Джином со скоростью дремлющей улитки. Чтобы не терять времени даром, я включил движок, и он заработал. Но как!

Я услышал, как повернулся коленвал, как поршень первый раз чмокнул клапанами, забирая новую порцию топливной смеси... Это следовало исправлять. Я приказал себе успокоиться и даже, проверяясь, повернулся назад, чтобы посмотреть на Джина. Скорость жизни в мире немного возросла, потом снова возросла, потом стала почти нормальной...

Лучше бы она не становилась. Потому что та тень, которую я принял за охранника, охранником же и оказалась. И он уже видел нас. Он повернулся всем телом, выцеливая мобиль.

Вот тут-то я и газанул. Я не очень хорошо рассчитывал время за всех этих посидельцев, с которыми пустился в побег, особенно за седого, но надеялся, что он уже оказался в машине. Просто мы не могли больше стоять на месте.

Мы и не стояли. Взвивая за собой облако пыли под небеса, мы удирали по свободной, раздолбанной грузовиками дороге. Охранник все-таки вцепил в то место, куда целился, изрядную очередь, но меня это не взволновало. Потому что нас там уже не было.

12

Мы неслись по проселку как угорелые. Шлейф пыли обозначал нас километров на десять по округе, но иногда дорога уходила под купы деревьев, нависающие то с одной стороны, то с обеих, образуя как бы аллею, и это скрывало пыль. Кроме того, я надеюсь, не одна же наша машина быстро скачет по этим долбаным харьковским дорогам, может, есть еще кто-то, кто создает помехи наблюдателям – фермеры, контрабандисты, мальчишки, дорвавшиеся до папашиных «Роверов».

Размечтался, думал я, выжимая газ и пытаюсь проскакать повороты по-раллийному, на контролируемом скольжении. До того как появятся флаеры какого-либо типа, размера, фасона и вооружения, у нас есть треть часа, если повезет – половинка.

Я ни на минуту не сомневаюсь, что в машине где-то находится маячок. Но для того, чтобы его найти, нужно было пустить за руль старика. Джин, которому я больше доверял, потому что свое дело он сделал наилучшим образом с самой минимальной «накачкой», вести машину не мог. Он истекал кровью, но дед уже наложил ему повязку, хотя наш негроид и отключился при этом. Так что стало не до него.

Главная моя забота – старик. Вот его-то я начал прозванивать, и довольно жестко. Во-первых, к этому он привык за годы отсидки и даже не особенно сопротивляется, хотя и сразу понял, что я его «прокатываю». А во-вторых, времени действительно не было, столько нужно еще сделать...

Он оказался не очень старым, чуть за сорок. Просто скотское отношение к собственному телу и отсутствие денег на восстанавливающие операции, невозможность оплатить даже самые простые из них, вроде введения в структуру волос красящего пигмента, привели к тому... В общем, с этим понятно.

В глубине его сознания я довольно быстро нашел центры уязвимости, ему вложили чрезмерное желание сотрудничать с властями и надзирателями. То есть он явно стукач. Но эти зоны структурированы не очень грамотно и к тому же неглубоко. А вот на большей глубине находились более существенные напряжения, выдающие желание удрать на край света, чтобы никогда больше не зависеть от своих прошлых или каких-либо вообще хозяев.

Эти «прокладки» лояльности – едва ли не первый трюк, который гуманное человечество опробовало на себе. И ничего ни у кого не вышло. Те, кто пытался заложить эти центры сотрудничества очень глубоко, попросту разрушали сознание клиента, уж проще и результативнее было сделать элементарную лоботомию. А те, кто не хотел уродовать человека и нагружал его какими-то глупыми вставными элементами этики, морали, подчиненности или даже чувством расплаты за нанесенный кому-либо вред, вызывали лишь еще одну деформацию сознания, когда агрессивный или преступный тип со временем обучался обходить мешающие ему участки и принимался за прежнее.

Но, в общем, вести машину эти площадочки не мешали. Поэтому я быстро притормозил, не вылезая из машины, поменялся со стариком местами, и уже он покатиł вперед. Конечно, проходить повороты боком он не умел, не выбирал наименее пыльные участки дороги, но в целом справлялся совсем неплохо.

Потом я начал инспектировать наши ресурсы. Перчаточный ящик, разумеется, на ключе. Я нашел монтировку под сиденьем, остороженько поддел край крышки, дернул... Мне на колени вывалилась дюжина гранат самого разного калибра. Тут и противопехотные оборонительные, создающие тучу осколков с разлетом метров в триста, и мощные термические бомбочки, и кумулятивные... В том возбуждении, в каком я находился, стало ясно, что они предназначались для продажи. Кто-то из охранников честно подрабатывал, сотрудничая с какой-то не очень продвинутой, судя по всему, местной братвой.

Беда в том, что тут не было ни одной стрелялки, даже пневматического пистолетика, которым, правда, только что гусениц с деревьев снимать, но который хотя бы внешне походил на оружие. Я повздыхал как можно короче и принялся за анализ машины.

Это просто – я рассмотрел машину, распустил в сознании некий узелок, который обычно сам завязывается и который довольно трудно держать свободным, и все техническое устройство нашего мобиля возникло передо мной как бы нарисованным на дисплее. Движок с деталями, впрочем, довольно грубыми, не меняющимися уже лет двести, электронное управление с самыми примитивными задатками, передача, подвески, ручное управление...

Нет, ничего не выходит, эти причиндалы не выдают того, что меня интересует. Я вытянул руку и включил бортовой компьютер. Он очень прост, запылен и вид у него такой, будто им полгода кололи орехи, но жидкокристаллический экран нехотя оживает. Я спросил его о состоянии бортовой станции. Она оказалась в добром здравии и сигналила об угоне, нашем маршруте и нынешнем местонахождении на пределе своей мощности. Я приказал прекратить передачу, но компьютер был защищен от такой примитивной системы подавления и отказался. Тогда я задал команду определить работоспособность маяка. Это уже что-то другое, это не прямое требование прервать вопли «поводка», это штатная операция, которую очень давно не проводили.

Добросовестная машинка выдала сигнал, что штатная проверка должна быть проведена через три недели, и даже указала время с точностью до секунды. Разумеется, это меня не устроило. Я прорвался в системный уровень аппарата, поменял дату и тут же повторил приказ. И маяк тут же выключился. Вернее, даже наоборот, его трели на всех доступных ему частотах компьютер теперь оценивает как глобальную неисправность, о чем и доложил мне.

Я приказал провести капитальный ремонт нашей противоугонной станции, с полным тестированием всех режимов, с последующей имитацией полного молчания и работы только на запись. Не знаю, поможет ли это, но от тревожного сигнала на пару часов по крайней мере мы освободились.

Потом я запросил компьютер о системе самоуничтожения. А то покатаемся-покатаемся, а потом какому-нибудь сердитому идиоту в Харькове придет в голову, что раз мы не ловимся, то можно нас и на атомы распылить, где-нибудь нажмут кнопку, и мы в самом деле взлетим на воздух. Кроме того, заряды этих систем устраивают с большим запасом, а мне бы вполне пригодилась сейчас взрывчатка – что ни говори, а тоже оружие.

К сожалению, ответ пришел – «не предусмотрено». Ну и ладно, а то еще не тот проводок дернешь, несмотря на все способности соображать о любой технике в схемном режиме... И вдруг из-за деревьев вывалился вертолет. Я такого тысячу лет не видел, да их тысячу лет у нас в Московии и не выпускают. Обычная «вертушка» с магнитодинамическим движком. Эта штука могла висеть в воздухе сколько угодно, потому что ее аккумуляторы подпитывались от электромагнитных волн определенного качества. Потери при этом, конечно, возникали колоссальные, и все бытовые радиоприборы они глушили, будто в соседний громоотвод все время колотили молнии. Но что им телевизоры, что им потери – у них, как у всякого промышленного города, не один десяток ядерных реакторов... В общем, ничего хорошего для нас это не означало.

13

Сначала вертолет прошел над нами, грохоча, как древний железнодорожный состав. Вероятно, что-то высматривал. Потом ударил очередь. Тут уже стало непросто. Эти вертолетные пушки, наводящиеся шлем-прицелом пилота, способны компенсировать практически любое движение цели вниз, то есть никакими прыжками или вихлянием от них не уйдешь. Догонят и располосуют, как на лесопилке.

Старик начал нервничать. Он что-то проорал, поторапливая меня, но я уже понял, что продержаться еще хотя бы минут пять мы сможем только под деревьями. От нашего проселка наискосок, через пшеничное поле виднелась рощица, вот ее-то я старику и указал. Он рванул туда прямо по пашне, как заяц от волка. Несколько раз «вертушка» заходила на нас, но всерьез ни разу не пыталась подцепить. Не стоило труда догадаться, что к нам уже следуют гости. И скоро будут тут, а у нас, кроме гранат, ничего... Кстати, о гранатах.

Машина над нами зависла метрах в ста, потом походила над самыми деревьями, потом снова поднялась. Стало ясно, что она была вполне способна контролировать всю эту зеленку и даже не собиралась ее слишком утюжить. Я прикинул кусты, проплешины, крохотный ручеек, который разрезал рощу надвое. Проехать рощу на нашей машине было нетрудно, но как избавиться от «вертушки»?

Совершенно бесцельно я порыскал по машине, потыкался туда-сюда. Сейчас, когда мобиль стоял, это было нетрудно, даже приятно. И вдруг...

Это была обычная предохранительная крышечка системы катапультирования. Я рыскал не бесцельно. Оказывается, оба передних места могли быть отстреляны в любой момент. Единственным стопором являлась блямба с защелками от ремней привязи человека к креслу.

Перед баранкой сиденье нам еще пригодится, а вот второе... Проверил, это была мощная конструкция. Правда, я не знал, что будет с водителем, если рядом с ним сработает катапульта, но понадеялся, что на такие варианты машина тоже рассчитана.

Я переполз на заднее сиденье, слегка сдвинув обессилившего Джина, потом защелкнул ремни и выволок из бардачка все гранаты.

Распихать их по карманам кресла, застегнуть «молнии» этих карманов было делом четверти минуты. А вот последнюю бомбочку я прикрутил снаружи проволокой, которую нашел сзади. Эти мотки проволоки у наших вертухаев были особенно популярны, ими они скручивали руки и ноги тех, кому собирались вложить дополнительного ума, а при их работе это желание возникало то и дело. Потом я выдернул чеку и положил руку на систему запуска кресла.

Старик уже все понял, сначала он поерзал, будто я собирался отстрелить не одно, а два кресла, второе – с ним вместе, потом успокоился. Теперь следовало заставить противника выйти на удобную для нас позицию. Я прикинул время подъема кресла на максимальную высоту, представил на глаз, как это должно выглядеть, и скомандовал старику:

– Погнали.

Он, кажется, уже понял, что нужно делать, и покатил вдоль опушки, не очень быстро. Если бы он гнал, я мог случайно задействовать или катапульта, или гранату, оба варианта были нежелательны. Кроме того, мне следовало еще следить за противником и упреждать его удары...

Этого я не сумел. «Вертушка» напала из-за деревьев, со стороны рощи, а не от поля, вдоль которого мы катили, как я ожидал. И ее пулеметик заработал очень четко. Я заорал, старик нажал на газ. Машина понеслась гораздо быстрее, чем хотелось бы. Но мы вышли из-под огня.

Не знаю, о чем думали ребята наверху, в вертолете, наверное, считали, что получают за нас награды. Поэтому воевать им нравилось. Они развернулись над полем, повисели на одном месте, прицелились получше и снова пошли в атаку.

Теперь я видел их очень хорошо и считал секунды. Они тоже видели нас и начали пальбу. Я испугался, что седой сейчас рванет и весь мой прицел собьется сам собой, но старик не торопился, видно, и ему надоела эта пальба. Одна из очередей прошла совсем близко, мне даже показалось, что зацепило машину, то есть звук был какой-то странный. Но я не обратил на это внимания, в последнее время вертолет действительно пристрелялся, каждый раз об этом думать – нервов не хватит.

– Два, один... Один, – повторил я, потому что стрекот пулемета чуть отвел вертолет в сторону. – Пуск!

Я отпустил скобу гранаты и надавил на запуск катапульты. Кресло, кувыркаясь, как пропеллер, со страшным ревом вознеслось вверх, и... Я отчетливо видел это сквозь редкую листву над головой – в полусотне метров от вертолета вдруг расцвело ослепительным цветом.

Пулемет «вертушки» тут же смолк, вероятно, осколки решетки кабины так, что было не до стрельбы по хилой наземной мишени. Чтобы лучше видеть, я даже встал на ноги и задрал голову, благо старик догадался спрятаться от осколков за рядок берез и остановился.

Теперь я очень хорошо видел, что «вертушка», зависнув неподвижно, то и дело подрагивала. Нет, она уже не подрагивала, ее начинало все ощутимей бить... Наконец, вертолет завалился набок и хотя не стал падать камнем, но врезался в землю будь здоров.

Это случилось уже не в лесу, «вертушка» соскользнула вбок, к полю. Винты взбили концами лопастей тучу земли, пыли и мелких камешков. Одна лопасть сломалась у самой оси, а потом вертолет и вовсе взорвался. Взрыв поднялся вверх, как индейский дымовой сигнал, который указывал преследователям наше местонахождение с точностью до четверти километра.

Все, можно было проскакать рощу насквозь и катить к месту назначения. Конечно, преследователи будут тут очень скоро, но второй вертушки у них почти наверняка нет, а чтобы ее задействовать, потребуется не меньше часа. Мы же через час будем...

Я сел, вытер пот, выступивший от волнения, и, как московскому таксеру, сказал старику:

– Все, шеф, покатили через рощу. Там тоже есть дорога, и в нужном направлении.

Старик не отзывался, он лежал на баранке, лицом вниз и одна рука его болталась в воздухе. Вторая покоилась на рычаге скорости. Я пощупал у него один из шейных пульсов, его не было. Нашел другой – та же картина. Попутно, несмотря на усталость, я попытался телепатически найти старика.

Он был мертв. Я спустился на землю, подошел к нему, откинул на сиденье. Осколок, не исключено, что наш собственный, из тех, что должны были размочалить вертушку, которые в итоге свое дело сделали, вошел сбоку, под плечом, ближе к груди. Видимо, старик тоже повернулся, чтобы посмотреть, что будет с нашей попыткой освободиться от преследования... Скорее всего, он умер очень быстро, только и успел, что лечь на руль.

Я сдвинул его тело на место катапультированного сиденья, придал ему благолепную форму, сел за баранку, и мы покатили по намеченному мной маршруту.

Через час и сорок минут, то есть гораздо дольше, чем я рассчитывал, потому что неправильно определил расстояние и потому что разок пришлось укрываться от шального патруля, который нас не заметил, по крайней мере не погнался, я увидел в стороне от тихой лесной дороги полянку. В центре полянки стоял один из старых-престарых дотов, оставшихся тут после двухсотдневной войны, которую Россия вчистую проиграла Украине. Дот простоял тут больше пятидесяти лет, но для некоторых целей еще годился.

Я не стал очень светиться, оставил машину под кустами орешника, полянку проскочил пехом, со стариком на плечах. В углу, под горой истлевшего мусора, который был похож на те следы стоянок, которые всегда оставляют бомжи, но который был специальным знаком, я нашел небольшую, хорошо укрытую нишу. В ней было все, что нужно, – рация, которой я не собирался пользоваться, оружие почти на любой вкус, которое тоже пришлось оставить, кроме очень маленького пятидесятизарядного пистолетика, а главное – деньги и документы.

Еще тут была гора разной одежды и даже пара чемоданов с барахлом, которые очень легко было на любой таможне выдать за собственное. Потом, используя портативную, но очень эффективную печатную машинку, подновил документы для себя, напихал где мог новых дат, виз и платежей, нашел даже какие-то приглашения и открытки, проставленные последними неделями, которые покоились тут чуть меньше года, и выписал сертификат условного рабства на Джина. Это позволяло мне разъезжать с ним, имея на руках только один комплект необходимых карточек, и отвести от него практически всякий интерес.

Потом состоялись похороны. Собственно, я просто сунул скрюченное, слабое тельце нашего спасителя – именно так, без всякой иронии – в полиэтиленовый мешок, уложил его на место дурацких чемоданов и постоял минуту.

Потом я обзавелся средствами изменения внешности – пигментатором для кожи, которым лишил моего сокамерника светлых полосок, биоактивным париком, саморассасывающимися подкожными наполнителями, которые на пару дней изменили Джину фигуру. Тут мне пришлось пожалеть, что в Москве, еще перед операцией, я решил не вкладывать в этот тайник аптечку. Я не верил, что меня на этом задании серьезно прихватят, вот и не обеспокоился... Зато у меня хватило сообразительности устроить тайник самому, не привлекая больше ни одну живую душу. Может, по этой причине он и сохранился, и нас тут не ожидала засада, что для нас, безоружных, было бы, разумеется, фатально.

Джин был плох, но затычка, которую я ему сделал на ноге, обещала остановить кровь, а если возникнет омертвление тканей, то существенно притормозит боль и всякие пахучие процессы. В общем, до Москвы он должен был продержаться.

Когда он узнал, куда мы едем и как ему придется изменить свою внешность, и как ему придется держаться ближайшее время, он попробовал протестовать, но слабость сняла дискуссию, а необходимость у первой же придорожной речки вымыться, переодеться и основательно поработать над внешностью окончательно отвлекла от споров.

Машину мы бросили у магазинчика в небольшом городке. Тут же удалось нанять частника, который, неизвестно на что рассчитывая, пассажиром около автобусной остановки. Он довез нас на своей машине, и довольно дешево, до следующего городка. Там нас искать уже не должны были, но я попетлял еще немного. Джину от этого стало совсем худо, но зато к следующему утру даже я был уверен, что нас никогда не найдут. По крайней мере у опытных сыскарей на эту работу должно было уйти две, а то и три недели. А кто же может позволить себе такое следствие в наше время? В общем, даже несмотря на рану Джина, мы успокоились, и поэтому все остальное пошло как по маслу.

14

В Москву мы вернулись, как пара цивилизованных людей – авиарейсом Луганск – Домодедово. Вообще-то, Луганск – из Донской Федерации, и границу они там держали так, что нам даже с моими документами, вырытыми в старом доте, пришлось потрудиться, найти самый заброшенный переходный пункт контроля да еще и взятку давать. Зато потом ни у кого и в мыслях не было обращать на нас внимание из-за харьковской визы. Луганск с маленьким королевством Сапегова абсолютно ничего не связывало, кроме того, что находились они на одной планете.

Разумеется, мы шли под измененными именами, а себе я еще и внешность изменил так, что вздрагивал, когда замечал незнакомую фигуру в зеркале или стеклянной витрине. Разумеется, внешность я подработал под ту, что заранее была выбрана для нового паспорта, меня ею наделили, потом я выучил ее, чтобы надевать, как скафандр, а в конце даже закрепил память легким самовнушением, чтобы не забыть. И все равно вздрагивал, уж очень неприятным был этот тип – сутулый, с обвислым, пивным брюхом, с шаркающей походкой коленками в разные стороны и презрительной, слюнявой нижней губой, выставленной вперед, как таран у древнегреческих галер.

Джин тоже не выглядел цветущим, главным образом из-за раны на ноге, но он считался по документам рабом, и все посторонние чувствовали, что свою работу ему приходится исполнять до изнурения. С таким рабством, которое я ему выбрал, проблем не было никаких, ни на одной таможне. Только однажды он, а затем и я получили по негодующему взгляду от молоденькой регистраторши из-за окошка при въезде в нашу бывшую Первопрестольную.

В Москве демонстрировать рабские отношения не принято, но по паспорту я и Джин были из Ростова, а там – совсем другое дело. Каждому, кто почитывал газетки, было известно, там уже более ста лет восемь из десяти человек считались рабами. Почему так получилось, я помнил плохо, кажется, это был первый город, где уголовники захватили полную власть и попытались внедрить единственную известную им политическую систему – зону, где есть блатари и все остальные. Разумеется, я не беру старую историю, когда к власти пришли коммунисты ленинского толка, но тогда у них была высосанная из пальца идеология и они ею успешно дурили народ, так что рабством в формальном смысле это не называлось, хотя фактически все получилось точно как в Ростове.

Таксист, который подхватил нас с Джином в аэропорту, очень удивился, что мы не назвали адреса, а стали кружить по районам с самой неблагополучной репутацией. Он уже, бедный, не чаял от нас избавиться, но на Васильевском спуске, где всегда было много машин, мы сами его отпустили и пересели в другую тачку. Чемоданы к этому времени я сбавил в какую-то шарашку платного хранения у Горького парка, так что в глаза мы особенно не бросались. Мы уже были не туристы, только-только вышедшие из авиалайнера, а двое потертых бизнесменов, потерявшихся в Третьем Риме, и таких тут – пруд пруди.

Четвертый таксист, которого мы подхватили по зрелому размышлению на площади перед китайскими кварталами на Виденхе, там, где стоит эта стрела с фигурой первого космонавта из нержавеющей стали и о названии которых спорят уже лет двести, дотащил нас до места. Я бы еще покружил, но Джин определенно сдавал, и пора было его выручать.

Мы доехали до нашей с Валентой виллы неподалеку от Новозвенигородского монастыря уже под вечер. Монастырь был знаменит тем, что в его стенах отмаливали свои многочисленные грехи почти все сколько-нибудь заметные уголовные доны Московии. Быть принятым в Новозвенигородском значило, по их табели о рангах, что они кое-чего добились в жизни. Зато и монастырь процветал, а может быть, монахам действительно удавалось

кое-какие их свары миром завершить, а не сплошь стрельбой. Ясно как день – иметь такие уголовные связи и не стать кем-то вроде посредника, тем более со стороны, практически невозможно. Так что все было правильно, а монастырь помимо богатства пользовался еще и заслуженным уважением. В его окрестностях не шалили даже тайные полиции, а их развелось в Московии немало. Поэтому я и купил эту виллу, хотя она стоила мне столько, что долги я отдал только после премии за Омское дело.

Валенты на месте не оказалось. Я нашел ключ в потайном дупле и открыл дом. Тут все было по-старому, только везде почему-то лежал слой пыли. В доме явно никто не жил уже несколько месяцев, а это значило...

Ничего это не значило, Валента вполне могла находиться в Москве. По старой традиции эта вилла считалась у нас чем-то вроде дачи, а в городе у нас имелась еще одна квартира, хотя Валента ее не любила. Да и кто бы любил дом неподалеку от Ботанического сада?

Впрочем, я не прав, Ботанический район еще не из самых плохих. Там, по крайней мере, днем довольно безопасно. В подавляющем числе мест и днем-то страшно без охраны.

Да, в хороший гадючник превратилась Москва. По официальной версии, мы не очень выпадали из общей тенденции криминализации, охватившей все крупные города мира. А по моему, бывшая Первопрестольная сделалась невероятным нагромождением самых отвратительных трущоб в мире. Даже пара приличных районов – Кунцево и Бутово – почти непригодны для обитания. Что же говорить про остальные?

На вилле у меня было запасено все, что только могло потребоваться, в каком бы состоянии я ни дотащился до этого крова и кого бы с собой ни приволок. Первым делом, даже раньше, чем задуматься о собственном будущем, я принялся за Джина. Он уже едва держался на ногах.

Я раздел его, уложил на операционный стол, который у меня был замаскирован под автоматический бильярд, и вывел с потолка кибермедика. Машина была упрощенная, но никто и не слышал, чтобы бластер или многоствольный пулемет ставили слишком головомные медицинские проблемы. Их две – или еще можно попробовать, или уже нет. В случае Джина, разумеется, пробовать следовало. И машина принялась за работу.

Я стоял рядом, в маске, чтобы не нарушать требуемую хирургическую чистоту, и смотрел. Тонкие, изящные, как золото скифов, инструменты высекали пораженную ткань с неопостижимым совершенством. Кровотоки отгоняли кровь и сукровицу, подавали стерилизующий раствор, чтобы не допустить поражения раненой плоти кислородом воздуха. Очень острые на вид, даже страшноватые иглы накачивали моего сокамерника каким-то составом, который делал его ногу совершенно нечувствительной к боли. Кажется, он даже кайфовал. И это меня настораживало – уж не тайный ли наркоман мой полосатенький приятель?

Операция длилась минут двадцать, что для такой раны и такой техники – геологическая эпоха. Под конец умная машина вколола Джину кубов пятнадцать разных стимуляторов, среди которых, если я правильно понял показания дисплеев, главную порцию составляли агенты роста клеток и антитравматики. Джину стало легче, опухоль на глазах стала спадать, и он уснул спокойно.

Я не переволок его в спальню для гостей, где кибермедик не смог бы до него дотянуться, если потребуется, а просто вышел, принял душ, потому что странным образом покрылся тонкой пленкой пота, пока следил за операцией. Когда свежeweмытый, с полотенцем вокруг чресел я вышел на кухню, чтобы глянуть, что можно сожрать, за окном начинало темнеть.

На ужин оказались только консервы, вино и сухие галеты. Я открыл себе баночку маринованного тунца, добавил белой итальянской фасоли в винном соусе, размочил галеты в столовом белом из крымской Шангирии и почувствовал себя дома. Это ощущение было

настолько важным, что я даже не задумался, что теперь буду делать, каков мой следующий ход.

Но, на всякий случай, сходил в оружейную и перебрал стволы, которые у меня хранились. Оружие было в основном коллекционным, мне не хотелось брать его с собой на дело. Все же я выбрал себе кое-что, а чтобы меня не замели по-глупому за ношение оружия, выволок на свет божий настоящие документы. Это были дубликаты, первый комплект хранится где-то в сейфах моей родной Охранки, сотрудником которой я все еще являлся. В свое время, чтобы получить эти копии, мне пришлось немало потрудиться.

Разумеется, в них стояло мое настоящее имя, потому что стволик, который я прихватил, тоже любую экспертизу выведет на меня не дольше чем через пятнадцать минут. Настоящее имя некоторое время смущало, но я пока и не собирался скрываться. Может быть, зря?

15

Раннее субботнее утро было прекрасным. Даже в Москве, даже если приходилось дышать не до конца выветрившимся со вчерашнего смогом, даже с чересчур закопченными стенами домов. Даже в районе старой Таганки, где могли жить немногие, а еще меньше получали от этой жизни удовольствие, хотя, судя по опыту, были и такие.

Мне пришлось дать таксеру особую плату за то, чтобы он не стоял на месте, а разъезжал вокруг дома, где я собирался провести полчаса. Стоять, по его словам, значило наверняка нарваться на бандитов. Заклинать колесо и начнут требовать выкуп или просто выставят сорокамиллиметровые ружья, поневоле отдашь все, что есть, чтобы машину не поуродовали.

На мое замечание о дорожной полиции таксер, мелкий, хиленький, опасливый типчик, так на меня посмотрел, что я сразу понял – сморозил какую-то глупость. Хотя и не собирался.

Ответ его содержал тот смысл, что про дорожную и прочие полиции таксер даже не слышал, они кормились только на автострадах, собирая дань из мнимых штрафов. Я и сам это, в общем-то, знал, просто очень не хотелось давать парню лишние деньги, он определенно тут же собирался смяться, не искушая судьбу. А найти новую машину тут было так же непросто, как золотой самородок на тротуаре. Вызывать новую машину из дома, куда я должен был зайти, по телефону не хотелось. Это обещало массу хлопот.

Правда, могло оказаться, что хлопот возникнет еще больше, и тогда меня вообще не имело смысла ждать, потому что никакого проку от вынесенного ногами вперед тела этому таксисту быть не могло. Все-таки я попросил его подождать, а сам подошел к подъезду, оглядываясь по сторонам.

К счастью, ключ от наружной двери у меня уже имелся. Когда-то, давным-давно, пожалуй, года три назад, я получил его от хозяина квартиры, потому что вручил ему ключи от своей. Тогда это казалось необходимостью, операция, которую мы на пару проворачивали, была головоломной, и могло получиться по-всякому. А когда все кончилось, мы не стали возвращать эти крохотные кусочки армированного пластика, расплавляющегося в чужих руках. Мы считались друзьями, и на самом деле были друзьями. Хотя сейчас могло оказаться иначе. Но я все-таки надеялся.

Лифт оказался вполне современным, с «глазком» распознавания на случай сериального убийцы, маньяка или просто квартирного взломщика. Он не захотел меня впускать, даже когда я сказал ему, к кому еду. Но в отличие от лифта, лестничная клетка пропускала всех желающих, поэтому я решил отказаться от техники и просто побежал по ступеням. Я именно побежал, грустные мысли нагнали в кровь не меланхолию, но адреналин, и его лучше было сжечь этим рывком на верхний, сороковой, если не ошибаюсь, этаж.

Дверь открылась сама, едва я бесшумно воткнул второй из имеющихся дружеских ключей в скважину и приложил большой палец к панельке распознавания. Но, войдя в знакомую прихожую, я сразу замер.

Помимо трех стволов, выцеливающих меня из устройств, замаскированных под бра и вешалку, в дверях, за прозрачной, пуленепробиваемой ширмой, стоял сам Мелкович, направив на меня еще и четвертую пушку – навороченный по самое не могу «каспер». Это была дельная машина, я и сам такие люблю. Они не менялись уже лет сто, от остальных отличались огромным калибром – канонические девять миллиметров – и дисковым магазином на сто пятьдесят патронов. Из-за калибра эту машинку изрядно вело на длинных очередях, поэтому спереди, почти перед встроенным в ствол глушителем, была приделана примитивная деревянная ручка. И она не была лишней даже в руках качков. Впрочем, одиночными или короткими из него можно бить и с одной руки, только руку следовало как следует закреплять

в локте, чтобы не вывихнуть или не получить прикладом по зубам – начальная скорость пули получалась раза в три выше, чем, скажем, у старинной «беретты».

Увидев меня, Мелкович, отложил оружие на тумбочку, рядом с видеофоном, отодвинул ширму и с кислой рожей поинтересовался:

– Ты как тут оказался?

Он был голым, видно, среагировал на мое появление еще в постели. Что ж, рефлексy и навыки настоящего оперативника никогда не покидают. А он был из лучших. Я собирался было протянуть ему руку, потом не стал этого делать.

– Ты не рад?

– Как оказался тут, сукин ты сын?! – Вот это на него больше похоже, что-что, а скандалить он любил и умел. Сказывалась белорусско-еврейская кровь. Впрочем, его родственников я в деталях не изучал.

Я прошел в глубь его хорошей большой квартиры, довольно дорогой для этого района. И ванна размером с бассейн, и тренажерный залчик, который был почти так же хорош, как мой, – все внушало мысли о достатке и об умном, трезвом комфорте.

Пока я оглядывался, он вернулся в спальню, чтобы приодеться. Автомат остался там же, где он его оставил. Значит, я здесь не враг, и на том спасибо. Но, может быть, еще стану?

– Мел, кто меня продал?

Он молчал, пока не появился из спальни в тренировочных штанах и старом махровом халате. На ногах у него были изрядно ношенные домашние шлепанцы. Да, определенно, врагом он меня не считал. Вид у него, несмотря на неожиданную встречу, был довольно понурый.

Он подошел ко мне, хлопнул по плечу. Это было почти приятно.

– Пойдем-ка на кухню. Ты завтракал?

Я дошел с ним до кухни, посмотрел, как он делает завтрак из молока, каких-то оздоровительных порошков, сырого яйца, разбитого в стакан, и банана. Причем всю смесь он запустил в блендер и взболтал до состояния однородной, на мой взгляд, малоаппетитной массы.

– Ты не ответил, – напомнил я, налив себе лимонного сока.

– Тебя продал Гегулен Джарвинов. – Он вздохнул, отвел глаза, потом осознал, что уступает мне, посмотрел зло и напряженно, словно я был виноват в том, что меня сдали противнику. – Понимаешь, оказалось, он твердо решил ворваться в Директорию. И ему, как раз когда ты уехал, дали понять, что для этого нужен какой-нибудь подвиг, в политическом смысле, конечно.

Я начал понимать и продолжил за него:

– Таким подвигом мог стать союз с Харьковом?

– Верно. Сам знаешь, какие политические перспективы это открывает.

Это я знал. Возможность посредством предателя ворваться на территорию Украины, наших старых, вполне братских противников. Собственно, для того мне и приказали убить Сапегова. Но зачем убивать, когда можно помириться?

Что ни говори, а я играл в эти игры уже лет десять. И повидал немало. Формально я приписан к Охранному комитету, к группе особого политического анализа. На самом деле анализа никакого нет, а есть десяток головорезов, одним из которых я и числюсь.

– Джарвинов заложил меня, чтобы Сапегов посчитал его вернейшим другом? – Я подумал, цена продвижения нашего куратора наверх показалась мне чрезмерной. – Неужели для этого пару алкоголиков нельзя было им сдать?

– Во-первых, ты уже был послан на задание и отозвать тебя не могли, связь-то до выполнения предусматривалась лишь односторонняя и как раз от тебя, а не к тебе. Во-вторых, на алкоголиков никто бы не клюнул. А на тебя – героя и патриота...

Насчет патриота – загиб, а вот про героя – пожалуй. Что ни говори, а драку на электростанции под Серпуховом, когда ее захватили террористы, в свое время очень подробно освещали.

щала всяческая пресса, и электронная, и на твердых носителях. Кроме того, писали также про разборку с бандой Килиманджаро, а там я командовал всей операцией и почти двумя дюжинами таких ребят, что при желании мог прийти к власти и объявить себя полноценным диктатором Москвитии. Кроме того, по материалам одного из моих ранних дел, а именно, по внедрению в группу наркобанкиров в Омске и всего, что там последовало, был сделан выпуск из сериала «Непридуманная война».

Но все-таки, что ни говори, а очень смущало как раз то, что Джарвинов был нашим шефом, отцом – командиром, куратором от Директории и даже почти моим личным наставником. Он редко меня песочил, частенько похваливал, приглашал гостить на свою виллу на Селигере и даже вполне искренне улыбался, когда его дочь проходила стажировку у нас в отделе под моим руководством.

И вдруг... А впрочем, скачок наверх, на самый верх, мог соблазнить кого угодно. И его, как показала практика, не остановило даже то, что провалилась его же операция, ведь он сам, кажется, и запланировал отмену Сапегова. А может, как раз это его и подтолкнуло – кто их знает, политиков?

– А как у Джарвинова дела сейчас? Он полный директор?

Я не очень хорошо разбираюсь в табели о рангах нашего верховного правительственного органа. Но слышал, что там есть разные градации и уровни власти.

– И даже с особыми полномочиями, – ответил Мелкович.

Я изобразил на лице недюжинную работу мысли, хотя отлично знал ответ на свой вопрос.

– Нет шансов, что он оставит меня в покое? Я имею в виду сейчас, после моего побега из Харькова?

Самое скверное было то, что он директор. Директория – совет сорока с чем-то людей, каждый из которых отвечает за определенный блок всего, что составляет жизнь в нашем Третьем Риме. И полномочий у каждого из них больше, чем у члена Политбюро в XX веке. Остановить такого человека невозможно. А вот он, когда вообразит, что я являюсь слишком наглядным свидетельством его коварства, постарается осложнить мою судьбу настолько, что эти трудности могут оказаться не вполне совместимыми с жизнью. Кажется, я попал под камнепад, хотя сам этого пока не ощущал.

Мелкович не ответил. Он допил свою смесь и почесал заросший светлой щетиной подбородок. Поэтому я снова спросил:

– А ты что делал, когда меня продавали?

Он вскинулся, все-таки я его задел.

– Я протестовал, мы же друзья все-таки. Но...

Почему-то мне это понравилось. В этом был привкус мальчишеской, очень мелкой мести родному учреждению, но он мне все равно нравился.

– Кстати, Валента тут? Она в твоей спальне? И как она тебе, прилась по душе?

Все, о политике он некоторое время соображать не сможет. У Мелковича всегда были сложности с женщинами, хотя он-то к ним тяготел. Вот ответных чувств вызывал маловато. Впрочем, моя жена смотрела на эти проблемы... широко. Куда шире, чем я.

– Я ее всегда любил и не скрываю этого. Когда стало ясно, что ты можешь не вернуться, я...

– Значит, она здесь, – я поднялся. Желание увидеть ее стало на миг почти непреодолимым, как в детстве хочется вцепиться в родного плюшевого медвежонка, особенно когда совсем страшно.

– Да нет ее тут! – Он не бросился наперерез, значит, ее в самом деле тут нет. – И не стала бы она отсиживаться в спальне. Она... Она у меня на вилле, в Завидове.

От волнения он отвернулся, поискал на холодильнике и снял пачку каких-то новомодных, якобы безвредных сигарет. Я сказал:

– Ну так передай ей, что я вернулся.

И пошел в прихожую. Он потащился за мной. Я опередил его шагов на пять, поэтому взял «каспер», он ничем не смог мне помешать. Судя по весу, барабан был полон.

– Отменный аппарат. – Я прицелился в окно. – Раньше нам такие не выдавали.

Он вытер неожиданный пот на верхней губе.

– Выдают по-прежнему «ости» и легкие скорчеры. Этот я прихватил на какой-то облове и зажал, просто не сдал как улику. Он не зарегистрирован.

Я посмотрел на него внимательно. Конечно, блокироваться от телепатического нападения он умел, но я напал очень уж внезапно, и оказалось, что он не врал, все так и было. Я еще раз примерился к фигуристой рукоятке, к регулируемому прикладику, к прицельной рамке.

– Что теперь будешь делать? – Он делал вид, что не замечает, как я обхаживаю его пушечку.

– Если бы у меня была хоть десятая часть надежды, что Джарвинов не будет дураком и позволит мне жить дальше, я бы ничего не делал. – Я решительно сунул автоматик под куртку, он там вполне умещался. – Но поскольку такой надежды нет...

И я пошел к выходной двери, унося машинку друга с собой. Кажется, это было нечестно, но, с другой стороны, он же спал с моей Валентой, а я не возразил против этого. Когда дверь уже раскрылась, он прокричал:

– А если я тебе такое разрешение достану? От самого Гегулена?

Я остановился и совершенно серьезно взвесил такую возможность.

– Боюсь, что после Харькова я ему не поверю. Все зависит от того, как он это сделает и что предложит в качестве гарантий.

16

Я бы с удовольствием проследил за своим другом, а ныне любовником моей жены, но теперь мне нужна была маскировка, новые документы и машина. Новая машина, и желательно коптер, штука, которая запросто, практически с места прыгает в воздух. Стоило это безумно дорого, потому что эта тачка жрет топливо, как чоппер, но другой возможности выбраться из иных наших пробок нет. Кстати, это еще и во много раз опаснее, чем держаться на земле, только об этом не все догадываются. А когда кто-то догадывается, как правило, бывает поздно.

Одно время коптеры были очень модной штукой, и казалось, что все сколько-нибудь состоятельные граждане скоро заведут себе такие, но не завели – испугал страх высоты, сложность управления и опять же дороговизна. Даже таксисты скоро стали простенько писать на своих тачках рекламный слоган – «не коптер». Это значило, что доставят до места в наилучшем виде, а не с промежуточной остановкой в Склифе.

Так что сейчас коптеры крутили в воздухе только завязтые уголовники. К тому же зря. Подлет ко многим зданиям с включенным движком по закону позволял охранным системам тут же выцеливать нарушителя и открывать огонь на поражение. А висящий в воздухе слабенький летун всегда оказывался легкой мишенью.

И даже захват коптера в воздухе был довольно простой задачей. Я сам участвовал в трех операциях захвата и могу свидетельствовать, если захватчики сами не лопухнутся, у жертвы нет ни малейшего шанса.

А может, сделать наоборот, может, совсем не прятаться? Действовать в открытую, в наглую, почти предлагая ударить по своей незащищенной роже... А для спасения этой самой рожи и всего остального тела следует просто уходить до того, как сработает машина, которую Джарвинов сумеет мобилизовать? Я пару раз так делал и могу утверждать, это здорово действует. Противник нервничает, ошибается, дергается вхолостую, теряет авторитет, и ты уже через пару удачных трюков сам себе начинаешь казаться героем.

Жаль, что сейчас так не получится, слишком силен враг и слишком велика система, которую могут на меня натравить. Практически вся моя прежняя контора, и даже внутренние войска, и даже уголовнички, которым пообещают награду и прощение каких-нибудь грешков... Нет, идея никуда не годилась. Значит, мне нужны новые – внешность, документы и машина.

– Знаешь, – попросил я шофера, сидящего за прозрачной пуленепробиваемой перегородкой, – покатайся по кольцу. Давно не был в столице, хочу посмотреть, подумать... А потом скажу, куда меня доставить.

– По третьему ярусу или по второму? – деловито спросил таксер. – По второму будет дороже.

– По нижнему, – отозвался я, уже жалея, что вообще вступил с ним в разговор.

На нижнем никто не катался просто так. Там уже была мертвая зона, возникшая из-за влияния так называемого Подземного мира – жуткой системы ходов, дорог и туннелей, из-за московского метро, мир, где даже отпетые негодяи старались никого попусту не задевать. Но мне, кажется, нужно было именно туда, хотя и на самый безопасный, почти цивилизованный уровень.

Мы опустились на землю. Тут небо и даже солнечный свет были уже изрядно заглушены смогом и какими-то испарениями. Еще свету мешали бесчисленные верховые уровни дорог, автобанов, автострад, шоссе и воздушных коридоров, которые обставлялись парящими над домами щитами и знаками. Да и сами дома, уходящие на десятки этажей

вверх, делали почти невозможным проблеск неба над головой. В общем, это было мрачное местечко. Если учесть еще и здешнюю малолюдность, то и вовсе становилось не по себе.

Итак, что я мог? Как я мог добиться того, чтобы меня оставили в покое? Практически никак. Джарвинов будет клеветать и клеветать меня, сколько бы времени ни прошло. И даже попытка связаться с ним и принять подчиненную позу, выражаясь языком этологов, ни к чему хорошему не приведет. Он на словах пожурит, приласкает, а потом меня найдут в квартале наркоманов со сломанной шеей, и никто не сумеет отыскать свидетелей, которые бы хоть мельком заметили, отчего получился этот труп.

Так, а если я упрюсь, кого Джарвинов сумеет собрать? Очень большой операции не будет, он постарается провернуть все по-тихому. Паниковать станет лишь потом, когда поймет, что его шпана со мной не справляется. Но если я окажусь молодцом, то... Может, для него будет уже поздно?

Кажется, я принял решение, от которого у меня даже руки вспотели. Чтобы не признаваться в такой слабости, я вытащил свой телевизор. Это была отчетливая тюремная привычка, прятать мысли от возможного телепатического контроля, посматривая на экран. От тюремных привычек придется когда-нибудь отказываться, но не сейчас.

Телик принимал городской информационный канал. Я пощелкал немного. Наконец выяснилось, что в Москве мой аппарат демонстрирует три пустых канала, кажется, контуры просто не совпадают по частоте, ведь он изготовлен в Азии, за тридевять земель, а в себя он, помимо общегородского, впускает три коммерческих канала, два обучающих, два с мультфильмами и один эротический.

Посмотрев на довольно неприятный со стороны способ совкупления, который рекламировался как последнее изобретение московского полусвета, я телевизор выключил. Тон мышления сменился, прятаться уже не от кого, я даже знал, что буду делать. К тому же и эротика показалась в этом темном, мрачном наземном уровне скорее вариантом пытки, а не наслаждения, и уж тем более не способом продолжения человеческого рода. Так и хотелось показать язык в сторону Кремля и подумать – дудки, господи директора, население уменьшается, никакие подначки не заставят русских плодиться.

Хотя, едва все улеглось, я подумал, что за себя сейчас не поручился бы, все-таки почти год провел в заключениях. Но было, как всегда, не до того. Я снял панельку видофона с передней стеночки, разделяющей меня с таксером, устроился перед камерой, чтобы никого не пугать, и набрал номер.

Джин проснулся довольно легко, после пятнадцатого примерно гудка. Я думал, он будет в худшей форме. Потом я посмотрел, как он ковыляет к аппарату. Я видел его, хотя он еще не дотащился и не включил ответный сигнал, потому что в мой аппарат была вмонтирована такая дрянь, как техника упреждения. Когда-то ее поставила моя родная Контора и даже не проинформировала меня об этом. Конечно, со временем я ее нашел и перевел частоту с закодированных на открытые каналы, так что теперь из любого таксофона можно было видеть меня в неглиже, но другой формы протеста не придумал. Снимать ее без разрешения начальства запрещалось. В то время я был послушным мальчиком и верил в сотрудничество.

– Эй, Валер, ты что-то плохо освещен, – отозвался Джин наконец, справившись с моим довольно навороченным домашним аппаратом.

– Знаешь, тебе пора погулять. – Я не стал ему отвечать, а дополнительную подсветку не включил, потому что привык иметь дело с дорогими и качественными машинами. Конечно, камера в этом такси таковой не являлась. Зато панелька у уха, похожая на старые сотовики, доносила голос моего сокамерника весьма точно.

– Где встретимся?

Он все понимал, из него еще получится первоклассный оперативник, подумал я.

– Бери все, что нужно для серьезного путешествия, и кати в Горький парк. Там я тебя найду.

Отбой. Я повесил панельку на кронштейн, сделанный из высокопрочной пластмассы, чтобы молодые вандалы, которым силу девать некуда, не оторвали вместе с монитором. Внезапно подал голос таксер, а я о нем и забыл – что значит желание загрузить мозги посторонними, трудночитаемыми импульсами. Он сказал:

– Там не безопасно.

– Сначала мы не туда поедem, а на Земляной вал.

– Что?! Как же я оттуда смоюсь? У меня легковушка, а не танк. И даже не коптер, чтобы сразу в воздух...

Я изобразил самую любезную мину, на которую только был способен. Для пущей доказательности достал пачку купюр и сдал ему, как из колоды карт, наугад, две бумажки. Это оказалась московская двадцатка и общерусская четвертная. Обе эти денежные системы имели хождение в Москве, потому что обе выпускались тут же, на бывшем государственном печатном дворе, только разными правительствами. Московские – Директорией, а другие – очень слабым, практически марионеточным Общерусским правительством. Но как-то так получилось, что Общерусское было слабее, а валюта у них получилась устойчивая, с ней считались даже китайцы, правда, только на территории Сибири. Дальше ее не пускали, впрочем, дальше на восток я и не ездил.

– А я тебя попрошу еще немного на меня поработать.

Он опять потребовал залог в полной сумме, но на этот раз я без труда вычитал у него в сознании, что хоть ему и достался завидный пассажир, с деньгами, но если заплачу залог, он непременно удерет. Поэтому я расплатился с ним за прежние похождения, а из залога за ожидание дал только треть.

Он понурился. И я понял, что будет ждать. Очень уж явственно в его мыслях всплыла идея получить с меня все, что возможно, а вторую половину дня просидеть в соседней с домом пивнухе, рассказывая приятелям о тех ужасах, которым я его сегодня подверг. Ну, пусть так и будет, решил я и стал ему показывать, куда мне, собственно, нужно.

17

Этот небольшой пивной подвальчик неподалеку от старинной церкви Никиты Велико-мученика я приметил давно. Кое-что у меня с ним связано, но тогда я играл с местными заодно и у нас получилось, а значит, имел право появиться тут и вполне по-свойски спросить одного старого знакомого. Разумеется, тут могли и грохнуть, но могли оказать услуги, которые в другом месте не купишь или купишь гораздо дороже.

Не успел я войти в подвал, как откуда-то в том дворике, где мы нашли размеченную стоянку и где я оставил машину, к моему таксеру подкатили трое жлобов. Я вежливо вернулся, постоял, подождал, чтобы они меня заметили, и попросил их отвалить. Разумеется, я был далек от мысли, что наличие в поле зрения одного свидетеля могло их остановить. Но я надеялся, что они не станут лезть неизвестно на кого за здорово живешь. Я мог оказаться таким авторитетом, что если бы кто-то из них мне просто не понравился, то еще до вечера всплыл бы с распоротым брюхом в Москве-реке.

Но они оказались дураками и задрались. Один даже вытянул руку, чтобы по старой уголовной привычке шмасть сотворить. Я перехватил и вывихнул ему кисть, а когда он завопил и согнулся, чтобы ее понянчить, для верности пнул так, чтобы наверняка сломать еще пяток ребер. И лишь тогда понял, почему он оказался таким смелым: под старым, потертым плащиком, совсем не по сезону, оказался жилет.

В общем, теперь мне в пору было нянчить ногу, но зато и мой приятель отлетел шагов на пятнадцать, а то, что я даже не поморщился после этого удара, сделало меня в их глазах фигурой, достойной внимания.

То есть двое других тоже взъерепенились, но напролом уже не лезли. Я осмотрелся. В общем, все было тихо, но если я даже отгоню этих ребяташек, почти наверняка скоро подвалят следующие. И попросить таксера покрутиться по округе невозможно, тут бесцельно крутиться еще опаснее, чем торчать на стоянке, и потому, что непонятнее для большинства местных шакалов, и потому, что большему числу глаз покажешься. Тогда я заговорил спокойным, умиротворенным голосом:

– Вот что, ребята. Посторожите мою тачку с таксером, он из робких, а я вам за это по десятке на нос отстегну.

Первым, как ни странно, отреагировал вывихнутый:

– А долго сторожить-то?

Но его я прогнал – нужно быть не только строгим, но и справедливым. А справедливость требовала, чтобы побежденный или хотя бы опрокинутый враг получал всю меру презрения.

– Ты бы лучше шел себе, парень.

Он все понял и никуда не ушел, просто присел в сторонке, натуго бинтуя руку, ожидая, чтобы приятели заработали обещанные деньги.

Я спустился, осторожно оценивая не только скользкие, истертые ступени, но и стены, и потолок. Микрокамер нигде видно не было, явных ловушек тоже. Видимо, здесь обходились живым наблюдением, оно дороже, но и надежнее.

Внизу оказался зальчик семь на десять метров. По виду – обыкновенная московская тошнилровка. Народу не то чтобы много, но есть, правда все – завсегдатаи. Это должно сразу насторожить любого, кто умеет читать такие знаки, но меня это не касалось. Я протолкнулся к стойке, хлопнул ладонью по доске, залитой пивом такой консистенции, что сразу захотелось не только руку вымыть, но и кожу содрать, а потом попросил высоченную тощую девицу принести мне «Лебяжий Дайкири».

Девушка поморщилась. Интересно, как при ее образе жизни она еще не научилась морщиться? И сделала это в настолько укоренившемся стиле, что разом напомнила мне дюжину подобных девушек в других барах по всей моей некогда необъятной родине. Может, такие девушки являются специальной продукцией подпольной генной фабрики, которая создала такой вот сморщенный прототип? А может, в этом заключено искусство таинственного гения, который программирует всех, кто хочет одной лишь своей физиономией всем навеки внушить – держи от меня руки подальше?

Она отошла от стойки, стала что-то сливать в миксер. По ее виду я даже заподозрил, что сказал что-то не то. Но нет, она вдруг замерла, повернулась так, что ее косица выбилась из-под косынки, и уперлась в меня изумленным взглядом. Я улыбнулся и кивнул, чтобы подтвердить, что она поняла меня правильно.

Как сомнамбула, она подняла древний фон, еще без дисплея, а может, специально оставленный таким, чтобы не был виден тот, кто говорит на той стороне линии, и что-то залепетала в него. Обычному человеку это было бы неслышно, но я поднял чувствительность слуха и разобрал:

– Требуется «Дайкири». Лебяжий. Чего делать-то?

Ответ она выслушала молча, кивая головой, как болванчик. Потом смешала требуемое пойло, поставила передо мной и даже попыталась улыбнуться. Лучше бы не пыталась, я ведь не железный, мог и убежать.

Гонец появился через две минуты. Мрачный черный парень, с умными глазами навыкате. Сел на соседний стул, заглянул в мой стакан, к которому я даже не притронулся, тоже поморщился.

– Чего нужно?

– Лебедя.

– От кого пришел?

– Сам от себя. Передай, что пришел солдат Штефана.

– Что?

Парень вздрогнул, хотя я произнес свои слова так тихо, что даже сморщенная девушка за стойкой не могла их расслышать. Потом он внимательно посмотрел на меня и стал бледнеть. Это было так необычно, что я даже засмотрелся. Наконец он сполз со своего стульчика, да так неловко, словно разом сделался калекой. И пошел в ту дверку, из которой появился.

Минут через пять на смену ему появился мутант. Это был отменный, килограммов под триста, представитель породы троллей. В правой руке он держал двухствольную карточницу калибром миллиметров по двадцать, а в левой – очень мощный автоматический пистолет. Несмотря на оружие, его била такая дрожь, что я даже испугался, что оружие работает.

Он меня боялся. Это было настолько заметно, что именно страх на его лице, а вовсе не пушки, заставил всех окружающих обратить на нас внимание. Собственно, вокруг собрались не простые ребята, а те, кто ни одного дня своей жизни не жил честно и достойно, это были уголовники, причем заслуженные, по которым тюрьма плакала не один десяток лет. Они научились выживать везде, где это было в принципе возможно, выживать любыми средствами, с использованием всех, даже самых подлых приемов. И вот эти типы, в сути своей – специалисты по давлению на любого, кто поддается давлению, эксперты по страху и угрозам, вдруг разомкнулись, когда увидели, как ко мне подходит этот мутант. Может быть, я ошибаюсь, но половина из них вдруг пожалела, что не ушла раньше. В общем, на это стоило посмотреть, это кое-чего стоило.

Под тремя стволами меня впустили в заветную дверку. Правда, сразу за ней ко мне вышел еще один из местных «шестерок». Это был хлыщ, от которого за версту разило одеколоном и «забором» – крепкой синтетической штучкой, которая в малых дозах меняет запах тела, а в больших работает как очень изысканный наркотик. Парень так пропах синтетикой,

что мог бы и не бальзамироваться. Но помимо запаха, он еще умел обращаться с пистолетами и не раз пускал их, по знаку Лебеда, в дело – я был в этом уверен. Таких типов то и дело нанимают для грязной работы московские авторитеты, наверное, потому что товар это недорогой, а платных киллеров, что ни говори, частенько приходится менять.

Хлыщ меня проверил, разумеется, нашел «каспер», который я и не собирался прятать, а просто засунул за специально скроенную для таких штук подкладку. Автомат он осмотрел, понюхал, похмыкал и ушел, весьма довольный собой. Я так и знал, что это массовый товар, потому что еще один ствол он так и не нашел.

Троль не сводил с меня пушек, выделял на редкость вонючий пот и особенно нервничал картечными. Потом он разом успокоился, я понял, что он получил какой-то ментальный приказ, который я лично упустил. Вероятно, у него была лучше связь с их командиром, или я стал терять квалификацию.

Снова вошел киллер, на этот раз он держался почти вежливо. И провел меня, то и дело указывая путь сложенной лодочкой ладонью, по бесконечным коридорам, настолько длинным и запутанным, что я даже заподозрил, что мы оказались в Подземном мире, когда наконец он впустил меня в темноватый подвальчик, похожий на сортир. Сходство усиливалось еще и оттого, что у противоположной от входа стены стояло белое керамическое кресло. Это было понятно – с керамики легко смывалась кровь после пыток. Вероятно, ребята решили проверить мои нервы. Это было безнадежно. И испортило все впечатление. А ведь так неплохо начинали... Я сел и стал ждать.

18

Он вышел ко мне из темного потайного угла, прямо как Дед Мороз. Уже когда он меня через специальную щелочку стал разглядывать, я понял, что он тут. Веселый, улыбочивый старичок в странноватой темно-малиновой шелковой поддевке, вышитой крестиком. На свету стало видно, что он еще сед и сгорблен, как клюка.

Он уселся передо мной, поблескивая новыми зубами, явно свежевывращенными имплантатами, но очень дорогими и хорошими. Впрочем, ему, с его улыбочками, дешевые зубы нельзя было делать, все уважение можно было расплескать. Первый его вопрос оригинальностью не отличался.

– О чем будем говорить?

– Нужны два новых комплекта с удостоверениями личности, карточками соцстраха, кредитными картами, медицинскими страховками и водительскими лицензиями, включая коптер, вертолет и морской катер. Также счет, хотя бы на десять тысяч рублей, только не московских, а общерусских, две обложки к «касперу» и один стреляющий кастет. Да, не вздумай подсунуть армированный стальным волокном. Давай настоящую «каленую» пластмассу, чтобы его ни одна проверка не взяла.

– Кастет большого калибра?

– Думаю, трехмиллиметровый, но с разрывными пулями.

– Ого, разрывной «трехмиллиметровик» – штука редкая.

– Я же не заводскую машинку прошу. И не думай уверять, что у вас таких нет.

Эти стреляющие кастеты стали очень модным оружием лет тридцать назад, их тогда изготовили столько, что на весь мой век, сколько его ни отпущено, должно было хватить.

– Но боеприпасы-то мы не изготавливаем... Ладно. Какой срок?

– Лучше, если я уйду отсюда в полной оснастке.

– Это невозможно. К тому же дорого.

– Сколько?

Он перестал улыбаться, хищно присмотрелся ко мне, прямо прицелился. И взгляд этот был куда опаснее, чем стволы тролля, которые я по-прежнему ощущал сзади. Кстати, старик не сплеховал, сел чуть в стороне, в случае выстрела на него максимум моя кровь с мозгами попадет, а ни одна картечина задеть не должна. Про пули я уж и не говорю, те вообще должны были уйти метра на три в сторону.

– С банковским счетом будет, будет...

Он никак не мог меня оценить, значит, я был не так плох, если даже таких выжиг еще вводил в заблуждение. И вдруг его глаза чуть дрогнули, он узнал, несомненно, он узнал меня и понял слишком много.

Я забеспокоился. Если дела и дальше так пойдут, мне придется его убирать, а это и лишние хлопоты, и немалый риск. Но вообще-то странно, что у них не было тут платного телепата. Впрочем... Уголовники не любят телепатов, те слишком легко переходили на сторону легальных властей и начинали «петь», потому что, как правило, много знали. К тому же нормальных, поддающихся ребят из них в самом деле почти никогда не наказывали, телепатов было слишком мало, а такие, которые прошли закалку в мире уголовников, и вовсе были на вес золота. Их просто переучивали и приобщали к новому делу – охоте на своих вчерашних друзей за более высокую плату с последующими повышениями по службе.

Ходили, конечно, слухи, что было несколько очень мощных донов, которые сами являлись телепатами, но я всегда думал, что это чушь на постном масле. Умение маскировать свои парапсихические способности – вещь не менее редкая в среде телепатов, чем просто телепатия в среде всех остальных. Их слишком легко отловить, они чересчур заметны, чтобы

доучиться до чего-то путного и самостоятельно понять важность ментального прикрытия. Хотя, конечно, и тут ни за что нельзя ручаться, все может быть, и все может оказаться иначе, чем я думаю.

Дед Мороз в вышитой рубахе наконец решился, и торг продолжился:

– Пять кусков за все про все.

– Долларов?

– Еуров.

– Нет, это слишком. За лоха держишь, старик.

– Как хочешь, видно, тебя давно не было, а цены сейчас подросли.

– Как бы они ни подросли, передай Лебедю, что я пришел. Он мне должен, все сделает за два куса.

– Может, за бесплатно? – он решил поиронизировать. Что же, это даже неплохо, говорило о его уме и отчасти о том, что меня он принимает всерьез.

– Может, и бесплатно. Его долг велик, старик.

– Лебедя больше нет, повесился полгода назад. Вместо него я теперь ларек держу.

Он деланно закручинился. Так деланно, что я даже заподозрил, что он сам и смазывал мылом петлю для Лебедя. Если, разумеется, это не было туфтой с самого начала.

В общем, мне не было Лебедя жалко, хотя он и в самом деле остался мне изрядно должен. Я решил попробовать по-другому, хотя подозревал, что ничего из этого, скорее всего, не выйдет.

– Тогда его долг на тебе.

– Еще чего? – Глаза Деда Мороза стали бешеными, теперь я знал, каким он бывает, когда сердится.

К тому же и стволы стали тверже, и куда глубже впились в мою кожу на затылке.

– Хорошо, Лебедь был не последний, кто тут мне должен, схожу к Шапиро. У него...

– Стой, – старик задумался.

Я решился и очень осторожно, на случай, если тут все-таки есть кто-то, умеющий улавливать телепатическую активность, подкрался к его сознанию. То, что я там увидел, очень красивым не было, этот улыбчивый старикашка оказался выжженным, словно кратер вулкана. Но думал он примерно о том, о чем я и подозревал. Такие вот углаши часто мне это предлагали. Не стал исключением и Дед Мороз.

– Может, я тебе смогу скостить цену... Кстати, ко мне на довольствие не пойдешь? Мне парни вроде тебя нужны, а то в моей гвардии одни тролли и остались.

Троль за моими плечами от удивления даже перестал меня муржить стволом по черепу, зато потом так поднажал, что все предыдущие упражнения показались лаской в салоне эротического массажа. Старик это заметил и сделал твердый жест рукой, но троль сзади не унимался, наверное, от природы был не очень смышленным.

– Пока у меня свои дела, – ответил я. – Ты, наверное, догадался – я не на бал собираюсь.

Троль понял, что это отказ, и все-таки перестал давить. А не то – еще немного, и я бы ему врезал. Надоед, да и больно было в самом-то деле.

– Да, знаю. Ты тот парень, которого год назад Сапогу сдали.

– Кому?

– Сапегова Харьковского у нас в Сапога перекрестили. Да, тебя давно не было, парень... Ну, может, подумаешь?

В голосе у него появились просительные нотки. Да, это был не самый зверский бандит, он еще не научился просить, а значит, в нем еще осталось что-то человеческое. Хотя, может быть, я и переусложняю, может, он просто неплохой актер?

– Надеешься, что выживу? – спросил я, чтобы он не очень налегал.

– Если ты из хохляцкого лагеря ушел, значит, этих кабинетных крыс и вовсе передал вишь.

«Мне бы такую уверенность», – решил я.

– Ладно, подумаю.

– Вот и отлично, тогда все сделаю за четыре куска. Но евро, других монет не принимаем. С «зелеными» слишком много возни стало.

Это была новость. Чтобы «капусту» в Москве не ценили?.. Но спорить я не стал. Как ни крути, старик был прав – меня тут долго не было.

19

Дед Мороз ушел, а я с троллем остался. Тролль принялся думать. Он очень хотел меня спросить, почему я не пошел к ним и что имел в виду их подпаханчик, когда говорил, что у него только мутанты и остались. После моего отказа он стал ко мне теплее относиться, насколько это было возможно. А по закону обратной связи это отношение вдруг инициализировало в нем доверие, так бывает, особенно с мутантами. Они вообще в эмоциональном развитии часто остаются детьми, и от жизненного опыта это не зависит.

Потом появился жутко противный парень в очках, с огромным, каким-то расплюснутым на конце носом. К тому же и говорил он гнусаво и чрезмерно громко, стараясь чуть не криком компенсировать нечеткость дикции, но от этого казался еще противнее.

Рассуждая о надежности их «фирмы», он отвел меня еще на пару уровней ниже, в огромный зал, который уж точно находился в Подземном мире и, несмотря на размеры, чем-то неуловимо походил на тот пыточный клозет, в котором мы разговаривали со стариком. Тут стояло почти два десятка вычислительных машин, от простых персоналок до довольно навороченных шкафных систем, а под матерчатым темно-зеленым колпаком я даже заподозрил биокомпьютер, сделанный на базе трех, а то и пяти выращенных или клонированных синтетических мозгов. Это была уже настоящая редкость для уголовников, поэтому я заподозрил, что меня впустили в святая святых, что было, с любой точки зрения, неразумно. Я ведь не дал согласия работать на старика, но он, видимо, решил показать мне свое расположение. Может, в расчете на будущее?

Обреталось тут с десяток умных очкариков и одна заторможенная девица, уродливая, как мутант. Я ее не сразу даже заметил, потому что она сидела за тремя дисплеями, которые показывали что-то, что мне не было видно, но по ритму цветных пятен на ее лице я заподозрил, что это биржевые сводки. Она была похожа на обычного клерка, забитая и понурая, как цветок под снегом, но уже через пять минут я понял, что именно к ней все бегают советовать. Значит, она была в авторитете и именно за ней следовало следить, пока я тут находился.

Носатый начал вводить фальшивую информацию в компьютеры полиции, Московского правительства, безопасности, соцстраха и прочих контор, от которых зависела жизнь в этом городе. Иногда он спрашивал подтверждение по иным установочным данным. Потом, когда львиная доля работы была уже сделана, он осведомился:

– Лицо в документы твоё вводить?

И вот тут я его разочаровал. Я вытащил фотографии Джина. Фото я вытащил из кибермеда, который, как и многие подобные машины, умел не только фиксировать, на всякий случай, свои действия в блоках памяти, но при желании выводил на свой очень неплохой цветной лазерник.

– Нет. В обоих комплектах сделай вот это лицо. В одном оставь то, что есть, а в другом полоски отретушируй чуть посветлее, роже в целом добавь веселья, мяса нарасти побольше. Словно не доходяга перед тобой, а красавец из благополучных.

Парень внимательно посмотрел на фото, потом на меня, потом еще раз на фото, уже с прищуром, профессионально.

– Сделаю.

Фотка уползла в сканер, и через мгновение Джин смотрел на меня с экрана монитора. А когда Носатый ударил по клавишам, словно заиграл концерт Чайковского или Ноганузо, облик Джина начал меняться. Еще через четверть часа я был доволен. И к этому времени уже все решил окончательно.

Генетический код в свои новые файлы я попросил ввести настоящий, снятый с моей капельки крови. И дело было не в том, что я собирался подставить Джина, чтобы его замели. Просто, по моей версии, Джин будет бездельничать, притворяться «золотым сыном», крутиться на виду и творить нам обоим алиби. Его вряд ли проверят, а значит, ему по документам подойдет мой генокод, только чуть измененный, настолько, что это всегда можно списать на нечеткость портативной полицейской аппаратуры.

А меня, если я приму его облик, могли и проверить, и даже наверняка, ведь за пределами города, в стороне от общеупотребимых трасс, иностранцев трясут не хуже, чем в Харькове. Так что мне достоверность в этих документах нужнее, и его кровь меня может прикрыть, по крайней мере полиция не сразу среагирует, пока не обнаружит, что я их перехитрил.

Мой генокод эти ребята сняли переносным полицейским анализатором. Это мне уже не понравилось, у него малая чувствительность, как я сказал, он слишком грубый для тех документов, которые я посчитал бы нормальными. Но во мне говорил опыт работы в Охранке, у нас там такая техника, что иные аппараты из Японии в единственном экземпляре выписывали, так что не исключено, я просто зажрался. К тому же очкарик сказал, что иначе быстро не получится, а время – сейчас далеко не последняя по значимости вещь, и я покорился.

Наконец пришла пора организовать мои, вернее, Джиновские банковские счета – ведь они будут заведены на его генокод. А там машинки идентификации личности посильнее.

– Сколько реально будет работать счет? – спрашивает мой носатый электронный факир.

– Ты делай навечно, а там посмотрим.

Все это было очень неважно – ручной полицейский сканер, расчет на ограниченное время, это не тот уровень конспирации, к которому я привык. Недовольство и странный ответ Носатый понял по-своему и пустился в советы.

– Если замастырить его на пару-тройку часов, то можно эти деньги украсть и тебе придется платить за них лишь четверть. Такова такса. Но за эти три часа ты должен весь счет истратить.

– Я сказал – навечно. – Но его вопрос все-таки пробудил у меня здоровый интерес к тому, сколько времени может потребовать вся операция. Поэтому я продолжил: – Он должен работать недели три, а то и пару месяцев.

Носатый свистнул, на месяцы тут никто не планировал.

– Есть, командир, – он даже отдал мне честь, легко дотронувшись пальцами до лба. По этому жесту стало видно, что в армии он не служил.

Вдруг к нам подошла местная главная девица. Вблизи она оказалась еще страшнее, глаза, как две плошки, голос, словно сковородку тупым ножом чистят. Она отреагировала на наши действия, потому что мы поневоле залезли в ее епархию, и она решила убедиться, что тут все в порядке. Или просто захотела на меня вблизи взглянуть.

– По нашей терминологии, мы создаем из тебя фантом, – начала она почти шепотом. – Но вообще-то, такие фантомы полиция вычищает. Есть даже особая служба, которая проверяет тех, кто расходится с эталонной картотекой, к которой доступа нет. Она хранится не в компьютерах, а на базисном носителе с односторонней проходимостью. Я хочу, чтобы ты знал, через три-четыре месяца этот подлог вскрыется... И судя по тому, что ты намереваешься натворить, они за тебя возьмутся. Могут даже по твоему следу «гончих» пустить. Тем более что у них будет твой оригинальный генокод.

– Я знаю, как это делается.

– Я подумала, вдруг ты не в курсе.

Кстати, она права, защита от фантомности может быть только одна – следует прикинуться, что фантом сотворили сами силовые службы Московии. А судя по тому, что я собираюсь сделать, все это будет изрядно похоже на правду.

Конечно, это может оказаться очень слабой защитой, кто-нибудь сообразит, что это подделка, и меня все равно начнут разыскивать, но еще одна фальшивка мне уже никак помешать не могла.

– Знаешь, я передумал, – сказал я Носатому. – Сделаем так. Сотвори-ка мне арест и сотрудничество со службой Защиты Свидетелей. Будто бы меня замели, я дал показания, и меня прикрыли новой легендой по сговору. Такие фантомы очень глубоко не роют, может, это и сработает, если на дурачка нарвусь.

Носатому идея понравилась, он покрутил головой и с явно выраженным удовольствием от работы поинтересовался:

– Какую статью тебе вменить?

– Политическую.

– Разумно, – снова отвратительным шепотом отозвалась девица. – Видно знающего человека.

После этого все пошло как по маслу, мне даже не пришлось смотреть, как это выглядит на экране, я посидел в сторонке, где мне последовательно предложили виски, водку, колу и минеральную воду.

Еще через час с двумя комплектами новых, вполне достойных документов, одним для Джина, на его новую роль «сынка», другим на меня, подработанного под него, но с крышей от маршальской службы, я отправился в обратный путь. Провожал меня хлыщ из киллеров, но теперь он был спокоен, даже когда у самого внутреннего входа в пивнушку вернул мне «каспер».

К моему удивлению, Дед Мороз стоял за стойкой пивного зала рядом с пресловутой барвумен. Она на него поглядывала с опаской, но и с удовольствием, даже с любовью. И почему я решил, что в этом гнилом, продажном мире не может существовать любовь? Женщины – странные существа, они так устроены, что иногда найдут кого полюбить даже в таком вот подвале.

Старик кивнул мне и с вежливой, почти светской улыбкой поинтересовался:

– Все в порядке?

Вопрос был хорош и задан вовремя. Я подумал.

– Нет, не все. Дай-ка мне еще пару начальных порций «забора». Только не для кайфа, а так, побаловаться. – По привычке я полез в карман и вытащил существенно отощавшую пачку банкнот. – Сколько? – И тут старик разулыбался так, что я увидел все его отливающие белоснежным фарфором зубы.

– За счет фирмы, приятель.

И я принял подарок. Тем более что старика в самом деле стоило запомнить. И не потому, что он заменил Лебеда, моего давнего уголовного должника. Этот Дед Мороз и сам по себе представлял интерес.

20

Мой таксер чуть не зарыдал, когда я освободил его от временных охранников. Ребята было повякали, что им пришлось слишком многих тут отгонять от машины, но я и не надеялся, что разделаюсь с ними за обговоренную цену, поэтому добавил по пятерке каждому.

После всего пережитого таксист вдруг ко мне расположился. Особенно когда увидел, с каким богатством я вышел из подвала. Он даже пару раз оборачивался и начинал разговор, который означал, что он меня уважает, слегка побаивается, но надеется, что все кончится для него хорошо.

Мы выкатили на Земляной вал и двинулись по бывшему Садовому кольцу. Дома с обеих сторон стали повыше, чем в других районах, и чуть понавороченней. За это со всей живущей и содержащей тут офисы публики драли на четверть, а то и вполовину большую цену. Пересечения с боковыми улочками давали многоуровневые развязки, от которых кружилась голова. Давненько я их не видел, поэтому и сидел, задрав голову, пытаюсь хоть что-то рассмотреть сквозь прозрачную крышу над головой.

Я не очень многое понял, но по-моему, трехуровневый хайвей использовался не полностью. Я определил это по слишком редкому мельканию машин в специальных световых решетках, которые были сделаны для дорожной полиции, призванной следить не только за правилами, но и за нагрузкой основных магистралей. На это мой водила горячо отозвался:

– Странно, что там вообще хоть кто-то ездит. Верхний уровень в этом месте уже полгода как не рекомендован для проезда. Обветшал, чинить не на что, вот начальство и опасается – свалится кто-нибудь с высоты семидесяти метров, мало не покажется.

– Свалится, кого-нибудь внизу придавит, в любом случае – не шутки.

– Ну, он же не всех разом придавит, а только невезучих.

Фразочка была что надо, типично московская. Да, если придавит невезучих, а не всех, то у некоторых есть шанс выжить. То, что это слишком уж извращенная логика, парню просто не приходило в голову. Впрочем, это не его вина, он каждый день видит образцы такой логики по телику, слушает объяснения наших политиков, которые говорят на разные лады именно эту фразу, и в жизни убеждается, что если не всех сразу – то не страшно. Разочароваться ему предстоит позже, когда наступит его черед, но тогда уже никто не воспримет его жалобы всерьез.

Или это не я говорю, а мое почти безнадежное положение? Может, я таким философом заделался, потому что на меня-то уже как раз этот хайвей свалился, мой черед уже наступил? Надо будет последить за собой, решил я, и ныть поменьше.

Чтобы легче было маскироваться, мы остановились у одного из магазинов, вышли вместе, и я купил себе спортивную сумку с массой карманов. Таксер был нужен мне вовсе не для того, чтобы сумку донести, а чтобы не угнал свою машину со всеми купленными у Деда Мороза причиндалами. Несмотря на вежливые разговоры, я надоел ему до смерти, и он не чаял, как от меня избавиться.

У парка мы с ним расстались, он и так узнал обо мне слишком много. Но, в общем, я сделал это специально. Они его вычислят обязательно, и пусть лучше им все расскажет один парень, чем они будут мурыжить десяток, среди которых не будет виновных. Что-что, а методы родной Конторы я знаю не понаслышке, сам не раз принимал участие в подобных поисках.

Купив билет, прошел между турникетами, но вдруг сзади взвыла сирена, кто-то по привычке залег на грязный серый асфальт. Я обернулся, оказывается, это за мной охранники гонятся. Их насчитывалось человек десять, и все они тряслись от ощущения близкой опасности, оружие так и гуляло в их слабых, слишком нежных для настоящей драки руках. Ока-

зывается, их сканеры сняли мои пушки, и они решили, что поймали неосторожного лоха из провинции, который ничего не слышал о тайной слежке.

Эти охранники были тут поставлены, потому что парк последние полста лет служил иным нашим уголовникам местом для стрелок и разборок. Охрана, конечно, ни от чего не защищала ни граждан, ни даже территорию, но впечатление на начальство производила немалое. А в России всегда так – главное, чтобы начальство усилия видело, а дальше – хоть трава не расти.

В общем, раньше я о них просто не подумал. Пришлось вытащить удостоверение, которое я подхватил на вилле, то самое, настоящее, из Конторы. Ребята с пушками в руках постояли, поохали, потом отстали. Нехотя, но все-таки. Почти наверняка они станут посылать запросы в мою Контору, но я надеялся, что не сразу. Моя бывшая фирма быстро ни на один прямой запрос не отвечала и никогда не ответит. Впрочем, если у кого-нибудь из них есть заслуги перед кем-то из наших начальников, сведения о том, кто я такой, все-таки им выдадут. Может, даже попробуют устроить тут засаду. Но скорее всего – нет, потому что уйти из парка несложно в любом месте, да и охранников обмануть – проще пареной репы.

Очутившись в парке, я начал смотреть окрестности площадями. Это довольно сложный трюк, его даже не все телепаты знают. Это значит, что мои телепатические способности работали на полную катушку, но сканировали не конкретные мысли одного человека, а всех, кто находится на территории в два-три гектара. Чем больше площадь, тем поверхностней знакомство с проверяемой персоной, но тем скорее все выходит.

Правда, для любого телепата я очень уж откровенно демонстрировал свое присутствие, и к тому же очень быстро накапливается усталость, но другого выхода, кажется, у меня нет. Я проверил сектора парка у входа, потом чуть дальше, потом передвинулся к развлекательной площадке. Тут оказалось очень много людей, и когда я ее все-таки закончил обследовать, уже так измотался, что стал похож на наглотавшегося дури наркомана – едва шел, ссутулившись, смотрел на землю, в глазах тоска и боль, сумка колотит по ногам...

И тогда я его нашел. Джин, хитрый тип, решил продемонстрировать те приемы ментальной маскировки, которым я его научил, чтобы не знающий его телепат не сразу понял ситуацию. И у него вышло так ловко, что я его чуть не проворонил... Но все-таки не проворонил.

К тому моменту, когда я к нему подошел, он сидел на лавочке в одинокой беседке около маленького прудика. Увидев меня, он встал, потом снова сел, разулыбался во все зубы. Потом привычная печаль легла на его полосатую рожу, но заговорил он бодро, как полагается в телефильмах о тайных агентах и тайных же операциях:

– «Хвоста» нет?

Я хмыкнул.

– Глупо, Джин. Тут проверяют не примитивной наружкой, а термосканирующими визорами, ты и не поймешь ничего, а они все будут знать.

– Значит, сейчас они, может быть, за нами следят?

– Может. Но прежде чем уйти, мы побродим в толпе, и они нас потеряют.

– Понял. Зачем вызвал?

– Вот тебе документы, вот кредитные карточки. Тут десять тысяч общерусских. Ты должен изображать богатого распутника, который просаживает папочкино наследство. И главное – везде делай свидетелей. Находи шлюх, угощай барменов, разговаривай с завсегдатаями, приставай к местным авторитетам – они почти всегда чужого продадут... Легенду прочтешь вот на этой распечатке.

Чтобы не терять время, весь внутренний характер введенных в компьютеры сведений Носатый распечатал на узенькой полоске саморазлагающейся бумаги.

– Я должен это выучить?

- Так, чтобы ответить на любой вопрос даже после третьей бутылки водки.
- Я столько не пью, – ответил он неуверенно.
- Надеюсь... Жить придется в пансионате, устроенном на дебаркадере Пречистенской набережной, первом от Крымского моста.
- Как он называется?
- Откуда я знаю? Потому и говорю – первом. Чтобы я мог тебя найти, когда это понадобится.
- Джин вздохнул, спрятал свое имущество в карман.
- Я слышал, район больно сволочной.
- Зато там раствориться ничего не стоит, и злачных мест – навалом. Теперь последнее. – Я протянул ему одну из порций «забора», полученных у Деда Мороза за счет его фирмы. – Принимай.
- Зачем?
- Они могут пустить своих гончих, ориентированных на запах.
- Откуда они знают мой запах?
- Запросят в тюрьме, где мы сидели, твой генокод. Наш тутошний враг с твоим харьковским знакомым на короткой ноге теперь, они легко своркуются. А настроить гончую по предполагаемому запаху, вычисленному из генокода, еще проще, чем направить по старому носку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.